

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ

ПРИВАТНОЕ: (НЕ)ВИДИМОЕ ПУБЛИЧНОЕ

В. Пилинкайте-Сотирович | М. Янкаускайте | В. Черкасова
А. Наумчик | А. Жинь | Г. Горелова | Е. Гутина
А. Крушинская | Е. Низеенко | А. Тихомиров | О. Гордиенко

УДК 316.346

ББК 60.54

Редакторы серии и координаторы проекта:

Евгения Иванова и Александр Першай

Автор идеи альманаха: Ольга Карáč

Арт-консультант: Анна Жинь

Корректоры: Ольга Петрукович и Екатерина Чикалова

English proofreading: Cory Hayden

Информация о проекте представлена на сайте www.fempol.com

Дизайн обложки и графический дизайн альманаха: Анна Жинь

Модель на обложке: Кори Хэйден

Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 4. Приватное: (не)видимое публичное /

Ред. Е. М. Иванова и А. Ю. Першай. – Прага: Adliga, 2014. – 98 с.

ISSN 1805-4935 (Print)

ISSN 1805-4943 (Online)

© Коллектив авторов, 2014

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Авторы несут ответственность за достоверность информации и цитирование в своих публикациях.

Полная или частичная перепечатка материалов журнала допускается только с согласия редакции и авторов.

С редакцией можно связаться по электронному адресу:

political.new.approaches@gmail.com

Электронная версия журнала доступна по адресу: www.fempol.com

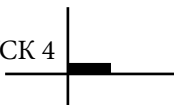
Адрес редакции:

Centre for Gender Initiatives “ADLIGA”: Women for Full Citizenship
K Žižkovu 809/7, 190 00 Praha 9 – Vysočany, Czech Republic

Посвящается всем тем, кто выходит за границы
приватного и публичного и балансирует на грани
дозволенного, делая мир добрее и толерантнее

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 4

**ПРИВАТНОЕ:
(НЕ)ВИДИМОЕ ПУБЛИЧНОЕ**

Редакторы выпуска
Евгения Иванова и Александр Першай

2014

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ №4 (2014)

«ПРИВАТНОЕ: (НЕ)ВИДИМОЕ ПУБЛИЧНОЕ»

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции:
приватное: (не)видимое публичное 6

**«Гендерное» приватное:
где сказывается контроль публичного?**

Вилана Пилинкайте-Сотирович,
Маргарита Янкаускайте
Тупики гендерной политики в Литве 11

Вероника Черкасова (1959 – 2004)
Кривое зеркало эпохи. Белорусская¹
мода 1970-х: попытка выделиться из толпы
за счет здоровья и свободы 18

Анна Жынь, Аляксей Наумчык
Фотапраект «Сястра, ты не адна!» 30

Диалоги

Елена Гутина
Что значит быть женщиной-композитором?
Беседа с композитором Галиной Гореловой 46

**«Невидимые» идентичности:
маргинализация приватного в публичном дискурсе**

Алина Крушинская
На пути к женственности или от нее: истории
ненормативной женской гетеросексуальности 53

¹ Редакция альманаха «Женщины в политике» предпочитает современную орфографию: Беларусь и белорусский. Однако мы оставляем за нашими авторами право выбора предпочитаемого варианта орфографии, включая такие варианты написания, как Белоруссия и белорусский.

Елена Низеенко Приватное/публичное в трансгендерных автобиографических нарративах	68

Мнение

Андрей Тихомиров Про сексуальность как идентичность, границы нации и публичность: заметки на полях антологии «120 сторінок содому»	78

Постаці

Алег Гардзієнка Вера Матэйчук (1896 – 1981)	83

Сведения об авторах	87

Notes on the Contributors	93

WOMEN IN POLITICS:
NEW APPROACHES TO THE POLITICAL, Vol. 4 (2014)

PRIVATE IS THE (IN)VISIBLE PUBLIC

TABLE OF CONTENTS

Editors' Foreword. Is Private the (in)Visible Public	6
<u>“Gendered” Private: Does Public Control Anything?</u>	
Vilana Pilinkaite Sotirovic, Margarita Jankauskaite Dead-ends of Gender Politics in Lithuania	11
Veronika Cherkasova (1959 – 2004) The Belarusian Fashion in the 1970s: An Attempt to Stand Out at the Cost of Health and Freedom	18
Anna Zhyn and Aliaksei Navumchyk Photoproject “You Are Not Alone, Sista!”	30
<u>Dialogues</u>	
Elena Gutina What Does It Mean to Be a Woman Composer? Interview with Woman-Composer Galina Gorelova	46
<u>“Invisible” Identities: The Marginalization of Private in Public Discourse</u>	
Alina Kroushinskaya Towards Femininity or Away from It: Herstories of Nonconformist Female Heterosexuality	53
Elena Nizeenko Private/Public in Transgender Autobiographies in Russia	68

Opinion

Andrzej Tichomirow Sexuality as Identity, Nation's Borders and Publicity: Notes on Anthology "120 Pages of Sodom"	78

Outstanding Women

Aleg Gardzienka Vera Mateychuk (1896 – 1981)	83
Notes on the Contributors	93

ПРИВАТНОЕ: (НЕ)ВИДИМОЕ ПУБЛИЧНОЕ

6

Глория Стайнем — одна из лидерок американского феминизма, писательница, журналистка и политическая активистка — в 1972 г. написала эссе «Мэрилин Монро: женщина, которая умерла слишком рано»¹. Оно было написано на смерть актрисы и женщины, которая, казалось бы, воплощала в себе все, что претит феминисткам. Но эссе не было осуждающим. Совсем наоборот, оно было пронизано печалью о том, как сложилась жизнь Монро, нежностью к ней как к человеку, сожалением о том, что никто не смог ей помочь в ее бесконечном одиночестве человека, из которого сделали предмет. Сама Монро говорила, что актриса — это не машина, но к ней относятся так, как будто она машина, машина по производству денег. Монро писала, что она хочет быть актрисой, а не причудливой эротической зверушкой, продаваемой как «киношный афродизиак».

Стайнем не идеализирует Монро и не делает из нее мученицу. Она, скорее, пытается понять противоречия, которыми была пронизана жизнь Монро и отношение к ней. Стайнем размышляет о своих чувствах отвращения к женщине/актрисе, которая позволяет сделать себя такой болезненно ранимой на экране. Затем она рассказывает о той Монро, которую она знала в жизни — страстно желающей стать хорошей актрисой, скромной в работе и собственной оценке, но никогда никем не воспринимаемой всерьез. Это портрет совсем другой женщины — женщины, о которой Элла Фицджеральд говорила: «Она была необычной женщиной — немного впереди своего

1 G. Steinem. Woman Who Died Too Soon // G. Steinem. *Outrageous acts and everyday rebellions*. London, 1995. Pp. 255–261.

времени»². Ее парадокс в том, что слишком много людей, которые никогда ее не знали, проникались ее жизнью, ее одиночеством и ее смертью.

В 1986 г. Стайнем написала еще один текст, посвященный Мэрилин Монро — «Женщина, которая никогда не умрет»³. В нем она пытается осмыслить тот факт, что почти 15 лет после смерти актрисы визуальные образы Монро не только «все еще вокруг нас», но и активно эксплуатируются различными индустриями, особенно индустрией моды, красоты и развлечений. Иными словами, Мэрилин продается. Продается как миф о красоте и женственности, как воплощение сексуальности и желанности. Спустя еще 11 лет Стайнем концептуализирует и развивает свои наблюдения в совместной (с Джорджем Баррисом) книге «Мэрилин»⁴. Целью проекта было увидеть жизнь отдельной женщины как одно целое с тем социальным, экономическим, политическим и гендерным порядком, в который она включена. Глорию Стайнем интересовало, каким образом и под воздействием каких факторов девочка Норма Джин стала женщиной Мэрилин Монро, которая в свою очередь была трансформирована в неумирающую фантазию.

Норма Джин / Мэрилин Монро — яркий пример того, как личность и ее приватная жизнь постоянно включены и во многом определяются дискурсивными и структурными расстановками в публичном пространстве. Сама Монро, похоже, задавалась схожими вопросами о себе как приватном индивидуе, своей жизни, своих желаниях и стремлениях и том, какие ограничения на них накладываются публичным мнением, ожиданием и желанием. Это сложные вопросы для любого человека, но для женщин, живущих в мире мужских фантазий, они сложны вдвойне. И Монро проживала это на себе каждый день. Вот некоторые ее высказывания:

Если я играю глупую девчонку, которая задает глупые вопросы, я должна следовать этой роли до конца. Что, предполагается, я буду при этом делать? Выглядеть умной?⁵

2 G. Steinem. *Outrageous acts and everyday rebellions*. London, 1995. P. 238.

3 G. Steinem. The Woman Who Will Not Die. *PBS*. 19.07.2006. www.pbs.org/wnet/american-masters/episodes/marilyn-monroe/still-life/61/ (посещение 12.04.14).

4 G. Steinem. *Marilyn: Norma Jeane*. New York, 2013.

5 P. Munier. *On Being Blonde: Wit and Wisdom from the World's Most Infamous Blondes*. Minneapolis, 2004. P. 55.

Все только смеются надо мной. Я ненавижу это. Большая грудь, большой зад, тоже мне большое дело. Разве я не могу быть чем-то другим? Ну, на самом деле! Как долго ты можешь быть сексуальной?⁶

Люди привыкли смотреть на меня как будто я — зеркало, а не человек. Они не видят меня, они видят свои собственные похотливые мысли. А потом они обеляют себя тем, что называют меня похотливой.⁷

Как женщина я — несостоятельна. Мои мужчины ожидают от меня так много из-за того, что они — и я сама — сделали из меня секс-символ.⁸

Мэрилин Монро, страстную поклонницу книг, чья библиотека насчитывала более 400 томов на момент ее смерти⁹, часто фотографировали с книгами. В коллективной памяти же она зафиксирована с юбкой, поднятой ветром, и поющей с придыханием признание в любви президенту. Коммерциализированное публичное заявило о своих правах на частную жизнь женщины, чей мифологизированный гендерный образ оказался весьма выгодным для патриархатной идеологии общества потребления.

«Я знала, что я принадлежу публике и миру. Не потому что я талантливая или даже красивая, а потому что я никогда не принадлежала никому и ничему», — писала Монро в своей неоконченной биографии¹⁰. Это слова человека, который знает, как невидимое публичное структурирует, определяет и ограничивает частное, но надеется, что если найти место, в котором любят и принимают тебя такой, какая ты есть, это может оградить от всепронизывающего публичного запроса на воспроизведение определенной социальной роли.

6 J. Johnson Lewis. Marilyn Monroe Quotes on Love, Marriage and Sex. *About.com*. [No publication date indicated.] www.womenshistory.about.com/cs/quotes/a/marilyn_monroe_2.htm (посещение 12.04.14).

7 P. Munier. *Op. Cit.* P. 54.

8 J. Meyers. *The Genius and the Goddess: Arthur Miller and Marilyn Monroe*. Champaign, IL, 2009. P. 63.

9 M. Popova. Marilyn Monroe's. Unpublished Poems: The Complex Private Person Behind the Public Persona. *Brain Pickings*. 27.07.2012. www.brainpickings.org/index.php/2012/07/27/marilyn-monroe-fragments-poems (посещение 12.04.14).

10 G. Steinem. *The Woman Who Will Not Die...*

В этом выпуске альманаха «Женщины в политике: новые подходы к политическому» мы продолжаем ранее начатую тему *приватного/публичного* и, отталкиваясь от личной истории Мэрилин Монро, хотим задуматься о (не)видимом вмешательстве публичного в пространство приватного.

Часть исследователей видит приватную сферу как интимное пространство дома и семьи, которое концентрируется в большей степени на индивиде, а не на обществе в целом. Предполагается, что это приватное пространство сокрыто от посторонних глаз и избавлено от правительственного вмешательства. Однако материалы, вошедшие в этот выпуск альманаха, показывают, что это не совсем так — идентичность, сексуальность, сексуальная ориентация, повседневность и гендерная (само)репрезентация в домашнем пространстве также в значительной степени регулируются государством, правом и общественным мнением¹¹.

В этом выпуске мы решили сфокусироваться на стороне «приватного» и разобраться в том, насколько понятие «приватного» вообще возможно, если даже самые интимные аспекты частной жизни регулируются публичным дискурсом и внешними практиками. Дело не только в том, как мы разделяем понятия и сферы приватного и публичного, а в том, какие аспекты жизни и деятельности мы *видим* в том или ином качестве. Что мы относим к сфере *публичного*, а что мы считаем *приватным*, является крайне важным, поскольку от этого разделения зависит, что мы считаем политическим, и в определении чего мы — как политические субъекты — можем участвовать. В свою очередь, это переводит личное несогласие с чьим-то образом жизни в регистр политического диалога, который ведется по другим правилам и должен основываться на принципах конституционности, прав человека, плюрализма мнений и толерантности.

Четвертый номер альманаха «Приватное: (не)видимое публичное» предлагает обсудить, как сконструировано гендерное приватное и каким образом на нем сказывается контроль публичного. Для этого мы приводим разные, но взаимосвязанные материалы, такие как анализ гендерно-

¹¹ См., например: A. Phillips. *Feminism, Equality and Difference* // L. McDowell, R. Pringle (Eds.). *Defining Women: Social Institution and Gender Divisions*. Cambridge, 1996. P. 214.

ориентированных государственных инициатив (от новых законопроектов до устоявшихся «народных» праздников, как, например, «День 8-е Марта»), а также тексты, раскрывающие специфику конструирования различных идентичностей в условиях патриархатного гендерного порядка (от рефлексирующего интервью женщины-композитора, работающей в мужской профессии, до ретроспективного обзора женской моды в 1970-х гг. — времени, когда формирование дефицита товаров «индустрии красоты» подталкивало жительниц СССР к поиску альтернативных путей для выражения своего статуса, пола и класса посредством одежды, причёски и макияжа).

Второй смысловой блок посвящен маргинализации частного в публичном дискурсе и замалчиванию идентичностей и социальных практик, не вписывающихся в гетеронормативную матрицу патриархатного постсоветского общества. Этот блок также затрагивает проблемы невидимого насилия, с которым повседневно сталкиваются представители и представительницы неконвенциональных гендерных идентичностей, а также те, кто не вписывается в «традиционные» гендерные представления.

Евгения Иванова и Александр Першай,
редакторы альманаха

Вилана Пилинкайте-
Сотирович
Маргарита Янкаускайте

«Качество» демократии в стране можно определить на основании того, насколько соблюдаются права человека и защищаются права меньшинств. Соблюдение демократических ценностей является одним из ключевых признаков модернизации общества, а положение женщин — важным индикатором стабильности прогресса. В связи с этим Сильвия Уолби выделяет три уровня «глубины» демократии: демократию выборов, демократию участия и открытую демократию. *Демократию выборов* Уолби считает базовым уровнем, достижение которого в XXI в. уже не является показателем прогресса в Европе. Демократия выборов определяется пятью индикаторами:

- отсутствием передаваемых по наследству должностей в системе управления;
- отсутствием колоний, так как колониальное управление всегда недемократично;
- отсутствием других недемократичных форм управления (например, включающих организованные религии);
- свободными и справедливыми выборами в условиях свободы слова и мирных собраний;
- всеобщим универсальным правом голосования.

Демократия участия является более глубоким уровнем, так как ставит не только количественные, но и качественные задачи — не просто формально закрепить права граждан, но и обеспечить фактическое участие разных групп населения в управлении обществом. Глубину демократии участия опреде-

ляют следующие четыре индикатора: низкая стоимость выборов, пропорциональная избирательная система, избирательные квоты для недопредставленных групп общества, пропорциональное представительство женщин и этнических меньшинств.

Третий и самый глубокий уровень демократии — *открытая демократия* — достигается при наличии широкого диапазона институций, основанных на принципах демократии¹.

Демократия, которая не способна обеспечить полноценное политическое участие женщин и маргинализированных групп, не может считаться полноценной. Статистика Литвы говорит сама за себя: индекс гендерного равенства Литвы в сфере принятия решений — 32,1 балла (ЕС — 27,38 балла) из 100 возможных². В литовской делегации Европейского парламента женщины составляют 25% (3 из 12), в национальном парламенте — 24% (33 из 141), в правительстве — 7% (1 из 14). В советах муниципалитетов заседают 22% женщин, а мэрами являются 6 из 60 (10%)³. Согласно статистике, в 2010 г. 30% женщин возглавляли малые и средние предприятия. В 2012 г. женщины составляли 19% профессоров в Литве. Только один университет из 23 и 10 колледжей из 24 возглавляют женщины. Очевидно, что правовой системы и государственных структур не достаточно для углубления демократизации общества.

По мнению Рональда Инглгарта и Кристиана Уелзела, влияние стимулов демократизации, связанных с членством в Европейском Союзе, дало возможность Литве, наравне с Венгрией, Польшей, Эстонией и Латвией, достичь более высокого уровня демократии. Обществам со стабильной демократической системой, как правило, свойственна сильная ориентация на пост-материальные ценности. Рост экономического благополучия — увеличивающаяся экономическая и социальная защищенность — обычно приносит предсказуемые изменения в

1 S. Walby. *Globalization and Inequalities Complexity and Contested Modernities*. London et al, 2009.

2 Индекс гендерного равенства охватывает шесть областей анализа: работу, финансовое благополучие, образование, время, власть, здоровье и две сопутствующие сферы: интерсекционального неравенства (intersectional inequality) и насилия. Индекс показывает, насколько близко к достижению целей равенства мужчин и женщин были страны ЕС в 2010г. *Gender Equality Index*. www.eige.europa.eu/content/gender-equality-index/#/?country=LT (посещение 10.10.13).

3 Данные Министерства социальной защиты и труда Литвы за 2012 г. (Motery ir vyru lygybės statistika.) www.socmin.lt/index.php?2044783319 (посещение 20.09.12).

мировоззрению людей. Систему ценностей, ориентированную на выживание, постепенно вытесняет стремление к качеству жизни и самовыражению, которое становится базовой предпосылкой демократизации общества⁴.

На мировой карте ценностей Литва находится среди стран, в которых преобладают традиционные ценности выживания. Именно традиционность общества и готовность парламентариев потворствовать избирателям в надежде быть переизбранными порождает законодательные инициативы, которые противоречат правовым нормам ЕС и ставят под угрозу права женщин, ЛГБТИ⁵ и этнических меньшинств. Чаще всего риторика в защиту традиционных ценностей разыгрывает «гомосексуальную карту» — якобы самую большую из «угроз», — создавая сеть социокультурных отсылок, подчеркивающих «отклонения» ЛГБТИ от гетеронормативного «стандарта». Так, сообщества евреев и ЛГБТИ становятся заговорщиками, стремящимися овладеть всем миром, а сторонники гендерного равенства — разрушителями традиционной семьи и здоровой нации. Именно с целью оградить «традиционную семью» от возможного разрушения в 2008 г. Парламентом Литвы была одобрена «Государственная концепция политики семьи», исходя из которой субъектом государства предлагалось признать только семьи на основе законно зарегистрированных браков⁶. Без социальной защиты было решено оставить гражданские пары с детьми и одиноких родителей (в основном матерей). В Литве одна треть детей рождается вне брака, но эта политическая инициатива получила поддержку большей части парламентариев из-за опасений, что более широкое определение семьи, например, то, которое используется в западноевропейских странах, позволит ЛГБТИ-сообществу пользоваться «привилегиями», которые пока принадлежат только зарегистрированным гетеросексуальным союзам.

4 R. Inglehart, C. Welzel. Development and Democracy: What We Know about Modernization Today. Foreign Affairs. March, 2009. www.worldvaluessurvey.org/WVSPublicationsBooks.jsp?PUB=97 (посещение 19.08.14).

5 Существует несколько вариантов аббревиатуры ЛГБТИ в зависимости от того, какие группы в нее включены. В основном к этой группе относятся: лесбиянки (Л), геи (Г), бисексуалы (Б) и трансгендеры (Т). Иногда также включают интерсексуалов (И) и квир (К). *Прим. ред.*

6 Valstybinė šeimos politikos koncepsija [Государственная концепция политики семьи]. www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=5477&p_k=1 (посещение 10.08.14).

В 2011 г. в Литве был принят закон о домашнем насилии, вследствие чего начали проявляться проблемы, связанные с противоречиями и политическими разногласиями в данной области. Так, например, инициатива Правительства Литвы подписать Конвенцию Совета Европы о борьбе с насилием в отношении женщин столкнулась с яростным сопротивлением. Против ее подписания высказались не только консервативно настроенные политики, но и общественные организации, например, Национальная ассоциация семей и родителей. Несмотря на сопротивление оппонентов, 7 июня 2013 г. министр иностранных дел Литвы подписал Конвенцию Совета Европы о борьбе с насилием в отношении женщин⁷, которую поддержало 28 общественных организаций. Литва стала одной из 16 стран ЕС, присоединившихся к этому документу. Однако его ратификация потребует еще много усилий со стороны защитников прав человека и женских НПО.

Репродуктивные права женщин являются еще одной «горячей точкой» публичного дискурса. Они никогда не были эффективно защищены в Литве, хотя аборт является легальным в стране с 1957 г. Правовое регулирование абортотв определяется Указом министра здравоохранения от 1994 г., который, следуя советским нормам, устанавливает возможность совершения аборта в первом триместре беременности (до 12-ой недели). Литва присоединилась к международному договору по защите репродуктивного здоровья, приняла обязательства, направленные на реализацию требований Каирской конференции 1994 г., но так и не приняла закон о репродуктивных правах. Консервативная оппозиция блокирует его на стадии рассмотрения с конца 1990-х гг.

После вступления Литвы в ЕС вопросы репродуктивных прав женщин стали обсуждаться острее и подверглись нападкам со стороны консерваторов и популистов. Первый раз законопроект «О защите эмбриона в пренатальной фазе», направленный на запрет абортов, был инициирован в 2005 г. Он не был включен в сессию Парламента из-за критики Юридического департамента Парламента и сопротивления женских

⁷ Министр иностранных дел Литвы подписал Конвенцию Совета Европы о борьбе с насилием в отношении женщин. 7.06.2013. См.: www.15min.lt/ru/article/vesti/ministr-inostrannyh-del-lityvy-podpisal-konventsiju-soveta-evropy-o-borbe-s-nasilie-m-v-otnoshenii-zhenshchin-504-342929#ixzz2ac5oa7IK (посещение 10.08.14).

НПО. В 2006 г. был разработан проект закона о защите эмбриона и генома, который сокращал доступность аборта с 12-й до 8-й недели беременности, но не был зарегистрирован⁸. В 2007 г. группа парламентариев, к которым присоединился министр юстиции, инициировала проект закона «О защите эмбриона в пренатальной фазе», который позволял проведение аборт только в тех случаях, когда продление беременности угрожало жизни и здоровью матери, и если беременность наступила вследствие изнасилования. Инициаторы закона ссылались на низкую рождаемость и моральные аспекты, которые должны быть выше материальных интересов людей. Законопроект не был принят на сессии Парламента как противоречащий Конституции Литвы⁹. Тем не менее, в 2013 г. был зарегистрирован новый законопроект «О защите жизни в пренатальной фазе». Он прошел первое слушание в Парламенте и обсуждался на осенней сессии 2013 г.¹⁰

Настойчивые попытки сохранить традиционный гендерный порядок в обществе подкрепляются системными преследованиями ЛГБТИ-сообщества. Эта связь прослеживается и на законодательном, и на дискурсивном уровнях. В 2008 г. консервативно настроенные политики и Национальная ассоциация семей и родителей инициировали кампанию, направленную против НПО, осуществлявшей европейский проект «Gender Loops» (гендерные петли). Цель проекта состояла в интеграции гендерных подходов в работу учреждений, осуществляющих профессиональную подготовку педагогов и повышение их квалификации¹¹. Однако исполнители проекта были обвинены в гомосексуальной пропаганде на основании

8 Заседания Парламентского комитета по вопросам здравоохранения 2006 и 2007 гг. www3.lrs.lt/pls/inter/w5show?p_r=4434&p_d=521978&p_k=1; www3.lrs.lt/pls/inter/w5show?p_r=5146&p_d=65161&p_k=1 (посещение 10.08.14).

9 Законопроект «О защите эмбриона в пренатальной фазе». № XP-432, 2005-04-20. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc?p_id=2541&p_query=&p_tr2=. № XP-432 (2), 2005-07-07. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc?p_id=259233&p_query=&p_tr2=No. XP-432 (3), 2006-03-14. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc?p_id=271639&p_query=&p_tr2=. A. Stankevičienė. “Abortų priešinkai vėl pakilo į kovą” [Оппоненты аборт поднялись опять в бой]. *Lietuvos žinios*. 18.06.2007. lzinios.lt/lzinios/lietuvoje/abortu-priesininkai-vel-pakilo-i-kova/109579 (посещение 10.08.14).

10 LLRA jau prakalbo apie abortų draudimą. [Выборная акция полейков Литвы начала говорить о запрете аборт] Delfi.lt. 05.08.2013. www.delfi.lt/news/daily/health/llra-jau-prakalbo-apie-abortu-draudima.d?id=60839477; Парламент Литвы. Bill on Protection of Life in Prenatal Phase. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc?l_p_id=444122&p_query=&p_tr2=2 (посещение 10.08.14).

11 См. сайт проекта «Gender Loops»: www.genderloops.eu.

включения «Сказки о двух принцах» в дидактические материалы по гендерному равенству. Преследования, напоминавшие «охоту на ведьм», происходили на фоне дебатов о принятии закона о негативном влиянии публичной информации на несовершеннолетних, который предусматривал запрет «гомосексуальной пропаганды»¹². Министерством науки и образования была создана специальная комиссия для выяснения, в каких детских садах эта программа использовалась для работы с детьми. Комиссия не нашла никаких прецедентов практического применения.

Активное вмешательство правозащитников предотвратило включение такой формулировки в законопроект, однако в 2009 г. была принята другая версия закона, в котором информация, «дискредитирующая семейные ценности и поощряющая понимание брака и семьи, не соответствующее определениям в Конституции Литовской Республики и Гражданском кодексе», считается негативно влияющей на несовершеннолетних¹³. Такая установка свидетельствует о намерении ограничить общественную дискуссию о негетеронормативной сексуальности и множественности гендерных идентичностей¹⁴.

Законодательные инициативы последних лет включают в себя, например, попытки внести в Кодекс об административных нарушениях наказание в виде штрафов за «гомосексуальную пропаганду», а также изменить Конституционное определение семьи. В 2012 г. было предложено изменить 38 статью Конституции и определить, что «...семья создается в браке. Брак заключается через свободное волеизъявление мужчины и женщины»¹⁵. Правозащитные организации выразили озабоченность тем, что конституционное закрепление прямой взаимосвязи между семьей и браком может привести к дискриминации на основе семейного статуса и сексуальной ориентации. Опасения оказались преждевременными, но не

12 Закон о защите несовершеннолетних от негативного влияния информации [Nepilnamėčių apsaugos nuo neigiamo viešosios informacijos poveikio]. 10 сентября 2002 г. № IX-1067 (изменения 21.10.2011 г., № XI-1624). www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=410367 (посещение 23.07.12).

13 Там же.

14 *LGL and Heartland Alliance. Human Rights Violations of Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender (LGBT) People in Lithuania: A Shadow Report. Submitted for consideration at the 105th Session of the Human Rights Committee, 2012. Geneva, 2012.*

15 Прием законопроекта по изменению 38 статьи Конституции (но. XIP-3981(2)). www3.lrs.lt/pls/inter/w5_sale.klaus_stadija?p_svarst_kl_stad_id=-12515 (посещение 19.06.12).

бесосновательными: 19 июня 2012 г. законопроект был отклонен, его инициаторам не хватило одного голоса¹⁶. Такую политическую ситуацию успешно используют противники гендерного равенства, накаляя публичный дискурс и запугивая общественность (особенно родителей с маленькими детьми) теориями заговоров против традиционной семьи и сея сомнения в рядах чиновников о необходимости внедрять гендерные подходы в систему просвещения.

Несмотря на прогресс, достигнутый на законодательном и институциональном уровнях, в процессе вступления в ЕС, многие проблемы гендерного неравенства в Литве остаются нерешенными. Формально развитая институциональная система гарантирует равные возможности женщинам и мужчинам во всех сферах жизни общества. Государством разработаны национальные программы и стратегии и предусмотрены национальные механизмы их реализации. Однако результаты исследований, критические голоса НПО и статистические данные показывают, что цели интеграции гендерных подходов реализуются неэффективно. Политика гендерного равенства не является приоритетом на национальном и муниципальном уровнях. Государственным служащим в Литве не хватает знаний, компетенции и мотивации для включения принципов гендерного равенства и равных возможностей в планы своей работы и повседневную деятельность.

Наблюдая за становлением политики гендерного равенства, можно сказать, что направление гендерной политики в Литве остается неясным. Происходящие процессы напоминают не столько осознанное движение, хоть и медленное, в определенном направлении, сколько непредсказуемое метание в водовороте многочисленных факторов. Растущая активность и самосознание гражданского общества требуют более четкого определения политического направления. Остается только пожелать, чтобы период блужданий и раздумий не растянулся слишком надолго. Литва не может себе позволить тратить время, ресурсы и человеческий потенциал на политических распутях.

¹⁶ «За» голосовали 93, «против» — 16, «воздержались» — 13 парламентариев. Сессия Парламента № 8, утреннее заседание № 452 (2012-06-19), прием законопроекта по изменению 38 статьи Конституции (№ XIP-3981(2)). www3.lrs.lt/pls/inter/w5_sale.klaus_stadija?p_svarst_id=-12515, (посещение 19.06.12).

ПАМЯТИ ВЕРОНИКИ ЧЕРКАСОВОЙ (1959–2004)

В 2014 г. исполняется десять лет со дня трагической смерти независимой белорусской журналистки Вероники Черкасовой. Она была зверски убита в своей квартире 20 октября 2004 г. На теле Вероники Черкасовой было обнаружено более 20 ножевых ранений, ее убийство до сих пор не раскрыто.

Вероника Черкасова в 1980-х гг. работала на белорусском телевидении, а в начале 1990-х гг. она стала независимой журналисткой. Ее работы публиковались в изданиях «Белгазета» (ранее «Белорусская газета»), «Белорусская деловая газета» (БДГ), «Голас Радзімы», «Наша свобода», «Новое время», «Радзіма», «Салідарнасць» и других независимых белорусских изданиях. Вероника Черкасова писала в основном о социальных проблемах, но рассматривала их во взаимосвязи с текущими политическими процессами.

Работы Вероники Черкасовой, написанные между 1991 и 2004 гг., были посмертно изданы в сборнике статей «Красным по белому»¹. Эта книга является важным культурным свидетельством белорусской повседневности второй половины XX в. Вероника Черкасова рассматривала социальные проблемы, касающиеся системы образования и экологической ситуации в Беларуси, искусства, культуры, национализма, гендерных отношений и политики². Сборник «Красным по белому» также включает «исторические» очерки о жизни и повседневности Беларуси 60–90-х гг. прошлого века, материал для которых Вероника Черкасова кропотливо собирала в архивах, подшивках газет и журналов того времени³. Один из таких очерков мы приводим ниже, чтобы почтить память Вероники Черкасовой.

Александр Першай

1 В. Черкасова. *Красным по белому: статьи, очерки, эссе*. Москва, 2005.

2 A. Pershai. “Krasnym po belomu: stat'i, ocherki, esse...” Veronika Cherkasova. *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35(1). P. 195-197.

3 О значимости работ Вероники Черкасовой для «малой» истории Беларуси см.: А. Першай. Перспективы истории: о повседневности, гендере и нации в постсоветской Беларуси. *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья*. 2013. №1-2. С. 40-56. www.case-border.com/2013/11/1-22013-2013-issn-1822-5136.html (посещение 10.08.14).

Вероника
Черкасова

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО ЭПОХИ.
БЕЛОРУССКАЯ МОДА 1970-х:
ПОПЫТКА ВЫДЕЛИТЬСЯ ИЗ
ТОЛПЫ ЗА СЧЕТ ЗДОРОВЬЯ И
СВОБОДЫ†

Мода — это не только тряпки, локоны и длина юбок. Это — зеркало. Посмотрись в него, и поймешь, какое на дворе время и кто у власти.

Попробуй одень нынешних школьников в одинаковую форму или заставь современного студента состричь длинные волосы. И вряд ли сегодняшние молодые люди поверят, что всего тридцать лет назад длина юбки или ширина брюк становились предметом непримиримого противоречия между личностью и обществом.

Обнаженные плечи «боевой подруги»

Сегодня кажется странным: как могли хорошо одеваться и выглядеть наши бабки и прабабки, если не было джинсов, лайкры, краски *L'Oréal* и косметики *Lancôme*? Между тем, выглядели, и очень даже неплохо.

Довоенные силуэты отличали фантазия и элегантность. В войну подавляющее большинство дам донашивали то, что было. После ее окончания во всем мире мода пережила бум. Не обошел он и СССР: вместо боевой подруги в моду вошла женщина, нарядная и дорогая. Тонкие, как иголкой прочерченные брови, губки бантиком, длинные алые ногти, высокий каблук, тонкая талия и обнаженные плечи напрочь стирали из памяти воспоминания о гимнастерках и сапогах.

† Печатается с разрешения редактора-составителя по изданию: В. Черкасова. *Красным по белому: Статьи, очерки, эссе*. Сост. О. Бабак, Н. Кулинка, А.Старикевич, И. Урбанович-Саука. Москва: Престиж-Бук, 2005. С. 97-104. Изначально этот текст был опубликован в «Белорусской газете», № 310 от 12.11.2001.

Следующий всплеск моды пришелся на 1960-е. На сей раз революцию совершили хиппи и *Beatles*. Длинные волосы, широченные клешы, ушитая в талию цветная рубашка с большим воротником, обувь на высокой платформе, тяжелый каблук... Образ эпохи воплотился в Трубадуре из мультфильма «Бременские музыканты».

В 1960-х женщины надевают брюки. Эдита Пьеха стала первой советской певицей, вышедшей на сцену в брючном костюме. Что, впрочем, не помешало метрдротелю минского ресторана «Седьмое небо» не пустить ее в таком виде в зал.

В это же время появилось новое поколение тканей – синтетика. Ее полюбили все и сразу. Она была необыкновенно практична: хорошо стиралась, не мялась, не теряла цвета. О недостатках этого материала говорить и задумываться тогда было почти неприлично. Появилась болонья. Плащи из нее стали пределом мечтаний и признаком респектабельности.

В те годы очень много шили. Лучшее швейное ателье было расположено по ул. Ленина, где впоследствии размещался магазин спорттоваров, а теперь находится банк. Кроме того, в те годы было множество мастеров, которые шили на дому. Особой популярностью пользовались брюки. Умельцы распарывали старые джинсы и делали по ним лекала, шили широченные клешы, настолько плотные на бедрах, что в карман нельзя было положить четыре копейки — стоимость билета на проезд в троллейбусе. Кстати, джинсы надевали выдохнув, намазав ткань мылом и только лежа.

Законодателем мод в республике был Белорусский центр моды, который тогда назывался Домом моделей. Там работали супруги Булгаковы, созданные ими коллекции пользовались успехом во многих странах мира. Вещи были сделаны в фольк-стиле, щедро украшены вышивкой, кружевами и другими видами ручной работы. На ВДНХ в Москве и Минске демонстрировались замечательные платья и костюмы из белорусского трикотажа. У них был лишь один недостаток: купить все это было практически невозможно, поскольку вещи изготавливались в единичных экземплярах.

Несмотря на недостаток информации, белорусские женщины хотели быть модными и действовали порой в полном соответствии с народной мудростью «голь на выдумку хитра».

После того, как в начале 1970-х в моду вошла рогожка, в минских хозмагах за неделю размели обыкновенные серые джутовые мешки. Их кипятили до белизны и шили из них платья. Шили платья и костюмы из ярких павловопосадских платков. О самом экзотическом способе добычи швейного материала рассказал известный модельер Саша Варламов: в бочке с водой или в ванне замачивалась крупнозернистая наждачка. Когда зерно начинало отставать, его снимали, отстирывали клей, и в результате получали плотную парусину, мало чем отличавшуюся от настоящей джинсовой ткани. Из нее шили брюки, куртки, плащи. Диор с Сен-Лораном мирно отдыхали...

Чулочно-носочными изделиями наших женщин обеспечивал Брестский комбинат. Сегодня то, что тогда на безальтернативной основе предлагали минские магазины, дама наденет только по приговору суда. Комбинат существовал вне моды и времени, отечественные колготки и чулки были толстыми и категорически неэлегантными, а потому приходилось предпринимать нечеловеческие усилия, самостоятельно доводя их до приличного состояния. Сначала колготки в соответствии с модой вываривали до белизны, потом, когда мода поменялась, их красили дома в жгуче-черный цвет. Тонкие дедероновые чулки были немецкого производства и стоили 2 руб. 20 коп. (Восточных немцев, которые тогда на «поездах дружбы» приезжали в Беларусь по аналогии с названием страны на языке оригинала (*DDR*) и материала, из которого изготавливали популярные чулки, на жаргоне называли «дедеронами»).

Между прочим, в рестораны в ту пору даже в самый жаркий вечер без чулок не пускали. Выход из этой щекотливой ситуации нашла еще Александра Коллонтай, которая, будучи послом СССР в Швеции, в безденежное военное время карандашом для век рисовала на ногах швы. Вряд ли об этом знали наши дамы, но ее примеру не следовали лишь ленивые. Мужчину в ресторан не пускали без галстука, и у швейцаров и метрдотелей всегда была в запасе пара галстуков, которые они за мзду сдавали посетителям напрокат.

В 1970-х в Минске появились французские духи. На полках ГУМа, ЦУМа, «Синтетики» (нынче — торговый дом «Первомайский») и других магазинов стояли Sikkim за 30 руб., любимые духи советских женщин *Climat* за 25, а также *Dior*, *Diorrella*, *Diorissimo* и *Magie Noire* за 45. Французские духи были синонимом роскоши и другой, красивой жизни. Покупали их в основном в подарок. В культовом фильме 1970-х «Ирония судьбы, или С легким паром» влюбленный Ипполит принес в подарок любимой женщине синюю коробочку *Climat*.

Отечественные духи в ту пору были тоже весьма недурны. До сих пор на Западе пользуется успехом старая классика вроде «Красной Москвы» — переименованных в советское время духов, созданных знаменитым парфюмером Коти для императрицы Александры. А духи «Ноктюрн» в свое время получили высшую оценку французских парфюмеров. Символом 1970-х стал скромный флакончик недорогих польских духов с загадочным названием «Быть может». Мужская часть населения страны пахла «Тройным», «Шипром», «Русским лесом», одеколоном «Саша» или лосьоном после бритья «Свежесть». Словосочетание «мужская косметика» подразумевало нечто неприличное.

Сегодня многие женщины, покупая *Fiji*, *Climat*, *Dior*, которые так любили в молодости, говорят, что теперь у них совсем не тот запах. И они совершенно правы. Сейчас на рынок поставляются истинно французские духи. А раньше товар шел из Сирии, где французы построили завод, на котором по лицензии изготавливались духи специально для Советского Союза. Иной была даже форма флаконов. Между тем духи были очень хороши. Дело в том, что Сирия производила их еще и для своего собственного рынка. А на Востоке спиртовые композиции не применяют, поскольку они на жаре мгновенно выдыхаются. Вместо спирта в качестве растворителя была использована масляная база, что придавало духам удивительную стойкость, а кроме того, делало запах мягче и богаче.

Не верьте тому, кто скажет вам, что раньше (независимо от того, когда это «раньше» было) дамы косметикой не пользовались и выходили на улицу, лишь чисто умывшись. Косметика была в моде всегда. Но если сегодня тушь и помаду предлагает любой ларек, то лет тридцать назад они были большим дефицитом. Между тем в 1960-е в моду вошли стрелки. Рисовали их карандашами «Стеклограф» и «Живопись», которые, несмотря на свои названия, были прекрасными косметическими средствами и совершенно не вызывали аллергии. На то, чтобы нарисовать качественную стрелку, уходило иногда минут сорок, и вечером рука не поднималась смыть великолепие, которое утром предстояло вычерчивать заново.

Отечественную косметику в ту пору производила фабрика Всесоюзного театрального общества, которая обеспечивала театры гримом.

Тушь тогда в Минске была не французской или отечественной, а «Ленинградской», привезенной из Риги, сваренной косметологами и изготовленной цыганами. И, что самое интересное, это была неплохая тушь. Она не вызывала аллергии и подолгу не портилась. У каждого самодеятельного мастера был свой рецепт, являвшийся коммерческой тайной. Фасовали кто во что горазд. Предприимчивые цыгане разливали горячую тушь в обыкновенные шашки.

Цвета и оттенки лакам для ногтей придавали при помощи креп-лаков, которыми пользовались профессиональные живописцы. Шли в ход и иные «красители»: например, синяя паста из стержней шариковых ручек придавала розовому лаку модный в ту пору свинцовый оттенок а la «тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца».

В 1970-е в СССР производились великолепные кремы для лица, которые в огромных количествах вывозили за рубеж разборчивые иностранцы. Нам же, наоборот, хотелось импортных, поскольку свои были расфасованы в некрасивые железные тубы, благоухали приторными отдушками, имели плохую упаковку. Кто тогда думал о том, что в их составы входило масло какао, спермацет, растительные и косточковые масла, ланолин, воск и прочие натуральные ингредиенты, которыми сегодня пользуются лучшие западные производи-

тели? Первое знакомство с импортной косметикой оказалось поучительным: появившийся в Минске в 1976 г. импортный крем *Pond's* был расфасован в красивые баночки, упакован в изящные коробочки и вызвал у подавляющего большинства женщин чудовищную аллергию.

Впрочем, и тогда далеко не все было безоблачно. Особенным спросом в те годы пользовались кремы со стойким отбеливающим эффектом. Достигался он за счет ртути, которая входила в состав очень популярных «Метаморфозы», «Отбеливающего», «Росинки» и некоторых других. Ртуть очень плохо выводится из организма, и до сих пор на коже женщин, которые пользовались ими 30–40 лет назад, видны черные точки.

«Айки для форентов»

Если в те годы по улице шел хорошо одетый человек, то, скорее всего, он был иностранцем. «Форенты» (от англ. *foreign* — иностранный) для определенной категории граждан были постоянным источником пополнения гардероба. При окладе в 70 руб. в месяц трудно было купить джинсы, стоимость которых доходила до 100–120 «рэ». Кто-то копил на них по полгода, а кто-то фарцевал. Этимологию слова выяснить не удалось, а потому просто поясним: фарцовщиками называли людей, которые для себя или на продажу покупали или выменивали у иностранцев джинсы и прочие дефицитные в ту пору предметы одежды. Фарцовка была рискованным предприятием, поскольку, во-первых, существовала статья за спекуляцию, под которую она подходила, а во-вторых, в ту пору не приветствовались любые контакты с иностранцами. Найти их можно было в «Юбилейной» или в мотеле. Чтобы познакомиться с иностранцем, совсем не обязательно было знать английский язык. Слова «джинсы» и «ченч» были столь же универсальны, как «мир», «дружба», «спутник». Как ни странно, иностранцы довольно часто «клевали» на наши значки и прочую столь же незначительную мелочевку. На «ура» шли дефицитные расписные матрешки. Поляков и «дедеронов» интересовали деньги, англичан, австралийцев, французов можно было соблазнить октябрятскими звездочками и значками с советской символикой. Проще всего было с поляками, которые целе-

направленно ездили сюда торговать. За небольшое золотое колечко у них можно было выменять джинсы, джинсовый сарафан и джинсовую куртку. Бартер был основной формой расчетов. Венгров интересовали иконы, особенно ценились маленькие, которые можно было спрятать и провезти через границу, а также металлические складни. Икона на слэнге называлась «айк», «толкнуть форентам айки» означало «продать иностранцам иконы». За джинсы выменивали и вывозили из страны предметы культа, гобелены, остатки антиквариата. И цену этих вещей назначали не в рублях, а в штанах и куртках.

Тем, кто занимался фарцовкой профессионально, она приносила до сотни рублей в день, что в те годы равнялось месячной зарплате служащего.

Купленные у иностранцев вещи фарцовщики продавали через знакомых. Главной примерочной столицы был туалет в сквере возле нынешней президентской администрации.

Собственно, конечной целью в то время было не просто красиво одеться, а одеться так, чтобы отличаться от других, выделиться из толпы. Не просто модно, а эпатажно. Одежда превратилась в элемент идеологии, стала своеобразной заявкой на то, что ты не такой, как другие, наиболее доступной формой самовыражения и протеста. И ведь что интересно: одеваться тогда было особо некуда. Клубов не было вообще, ресторанов — гораздо меньше, чем сейчас, а в театр и оперу в джинсе не ходили. Вы будете смеяться, но лучше всех, с проявлением истинного вкуса в ту пору одевались зондерши — валютные проститутки интуристовского отеля.

А еще дефицитные вещи продавались в магазине «Березка», где торговали за доллары, и в «Ивушке», где шла торговля за чеки Внешпосылторга, которыми выплачивалась часть зарплаты советским гражданам, работавшим за границей. Первая «Березка» располагалась возле почтамта, там было все, но — за доллары, которых на руках у советских граждан не только не было, но и не должно было быть в принципе.

«Ивушка» располагалась на ул. Белинского, там, где сегодня находится Белорусская торгово-промышленная палата. Чеки можно было приобрести с рук, это была своеобразная локальная валюта, за которую в конкретном магазине можно было купить обувь, одежду, косметику, белье. Правда, там

внимательно следили за тем, кто приходит в магазин, и у особо примелькавшихся клиентов могли спросить, откуда они берут чеки. А потому народ, постоянно отоваривавшийся в «Ивушке», стал пользоваться услугами негров, учившихся в минских вузах. Негру объясняли, что нужно присмотреть, диктовали размеры и отправляли на разведку, а потом — за покупками. Ну кто же станет выяснять, откуда взялись чеки у гражданина дружественной нам Эфиопии? Компания ждала негра за углом, на месте мерила купленные вещи, и если размер не совпадал, негра отправляли обратно — менять.

Еще одним местом, где можно было пополнить гардероб, стала вильнюсская толкучка. Билет до Вильнюса стоил недорого, а купить там можно было все — от юбок, джинсов, овчинных полушубков и косметики до автомата Калашникова.

Многие минские фарцовщики ездили в Вильнюс продавать сторгованный у иностранцев товар, ходили на рынке и ворованные вещи. Контролировать толкучку было практически невозможно, и вскоре эту «зону свободной торговли» прикрыли.

Красота – страшная сила. Иногда даже слишком

В ту пору парикмахерских было мало, а женщин, желающих стать красивыми, — много, и очередь на прическу приходилось занимать с 5–6 утра. Популярными были парикмахерская «Мечта» на ул. Ленина, «Салон красоты» (сегодняшняя «Александрына») на ул. Сурганова, процветала парикмахерская на вокзале.

Не было фена, гелей, пенек, восков, красок. Что было? Железные бигуди с резинками и колпаки-сушки. В качестве фиксаторов и закрепителей использовали народные средства. Самым простым и доступным был клейкий и противный отвар льняного семени, потом — пиво. В 1970-х в моду вошли парики и шиньоны. И тут же прически из натуральных волос стали делать «под искусственные». Крупные локоны и завитки картинно выкладывали на голове и намертво заливали большим количеством лака. Первые лаки для волос напоминали клей, зато прическу они не просто закрепляли, а цементировали. Несколько позже появился лак для волос «Прелесть». В

1971 г. в Минск наконец завезли придуманный во Франции в середине 1960-х «Гаврош». Стричься под «Гаврош» стали все, независимо от того, шла эта прическа или нет. Несколько позже похожая история произошла со стрижкой «Сэссун». Мужчины отращивали длиннющие бакенбарды и стриглись «под Элвиса».

Красители, дающие «удивительно стойкий и яркий оттенок», появились значительно позже. А поскольку красивыми и модными хотелось быть всегда, в ход шли подручные средства. Например, огненно-рыжий лисий цвет достигался с помощью красного стрептоцида или жидкости Кастеллани, применяемой в медицине в качестве средства от ожогов.

Когда в моду вошли платиновые блондинки, волосы в минских парикмахерских стали обесцвечивать 30%-ной перекисью водорода. Туда добавляли жидкое мыло, аммоний, а для отбеливающего эффекта — соду. Эта зверская смесь непоправимо портила волосы и обжигала кожу головы. Для того, чтобы получить платиновый оттенок, в воду для ополаскивания добавляли фиолетовые школьные чернила, капали зеленку или синьку. В ту пору в хозмагах можно было купить алюминиевую пудру. С ее помощью изготавливали краску серебристого цвета, которой у нас почему-то принято красить памятники и кладбищенские оградки. Так вот, этим порошком посыпали волосы, затем накручивали их на бигуди и ложились спать. На следующий день дама просыпалась с черной шеей, серой подушкой и умопомрачительно модной сединой. Радикальный черный цвет достигался при окраске урсолом, который сегодня снят с производства из-за своей токсичности.

Белорусскую моду в те годы делали в Республиканской лаборатории НИИ «Белбыттехпроект». За этой скучной вывеской скрывалась мастерская, в которой работали лучшие мастера республики. Лариса Лабутина, Алла Михайлова, Галина Камяк, Лилия Болюнова, Светлана Дилаева, Надежда Картавенко разрабатывали косметические услуги, стрижки и прически, с которыми тогда ходила вся республика, и [которые] с завидным постоянством побеждали на всесоюзных и зарубежных конкурсах профессионального мастерства. Именно они — «Лара», «Алла», «Лилия», «Галина» — с началом перестройки открыли первые частные салоны и дали им свои имена.

В 1960–70-е гг. мода совершила очередную попытку вырваться из круга привычных «нельзя». Одеваться не так, как все, означало бросить вызов обществу. Собственно, так было всегда, и за шокировавшими мир хиппи пришли панки с крашенными в кислотные цвета гребнями. Вопрос не в том, как кто одет, а в том, как к этому относится общество. Советское общество любое проявление «иночества» переносило очень болезненно. Советы отпускникам, данные в №1 за 1972 г. популярного тогда журнала «Модели сезона», весьма напоминают рекомендации шпиону по пошиву камуфляжа: «Будьте внимательны при выборе ткани и модели! Они не должны быть бросающимися, чтобы не привлекать излишнего внимания». Полагалось одеваться чистенько, просто и скромно: «Не беда, если вы носили костюм один-два сезона. Вычищенный, отглаженный, с новыми пуговицами, новым жилетом и блузкой, он будет выглядеть новым».

Система штамповала людей с одинаковыми взглядами, вкусами, мировоззрением. Самой ненавистной одеждой на целое десятилетие становилась школьная форма. Девочки ходили в коричневых платьях с черными (в праздник — белыми) передниками, мальчики — в синих костюмах, безнадежно измятых еще до того, как их в первый раз надели. Любая попытка хоть как-то разнообразить эту мрачную палитру выливалась в жесткое противостояние со школьным руководством. Иногда казалось, что нас хотели видеть не только в одинаковой одежде, но и с одинаковыми лицами.

Партийные и советские работники в местах наиболее плотного скопления напоминали колонии клонов. Друг от друга их отличали только размеры животов. Все они носили темные (летом — серые) костюмы, обязательно — голубые или белые рубашки с галстуком, зимой профессиональные коммунисты поголовно ходили в ратиновых пальто с пыжиковыми шапками пирожком.

Практически во всех крупных универсамах — ГУМе, ЦУМе, «Беларуси» — были комнаты, напоминавшие пещеру Али-Бабы. Там можно было найти любую обувь, женские и мужские костюмы, платья, шубы, шапки, пальто разных моделей и размеров. В общем — все. Обслуживали лишь избранных —

семьи партийных и государственных деятелей, известных артистов и просто нужных людей. Попасть туда можно было по благу или по записке из вышестоящих инстанций. Примерно так же осуществлялось обслуживание на базах, куда поступал весь импорт, впоследствии распределявшийся по магазинам. Завбазами были уважаемыми людьми, знакомства с которыми искали многие известные личности.

А потом пришла перестройка, и то, что раньше называлось фарцовкой, стало называться бизнесом, и джинсы наконец стали тем, чем им положено быть, — удобной и практичной одеждой.

2001

Анна Жынь
Аляксея Наумчык

«СЯСТРА, ТЫ НЕ АДНА!»

Тэкст і фотааздымкі ў г. Таронта: Анна Жынь
Фотааздымкі ў г. Мінск: Аляксея Наумчык

Выраз «Сястра, ты не адна!» я пачула на сходзе, прысвечаным Міжнароднаму жаночаму дню, у 2012 г. у Таронта. Гэтыя словы падтрымкі вельмі мяне ўразілі, таму што сапраўды сусвет яшчэ знаходзіцца на паўдарозе да гендарнай роўнасці, і жанчыны па-ранейшаму сутыкаюцца з дыскрымінацыяй і рознымі формамі эмацыянага, псіхалагічнага, эканамічнага і фізічнага гвалту.

Міжнародны жаночы дзень Восьмае сакавіка ўпершыню з’явіўся ў 1918 г., а ў 1975 г. ён атрымаў афіцыйны статус ад ААН. Нехта можа запырачыць, маўляў, навошта мы працягваем шанаванне гэты дзень, калі ў правах усе роўныя? Але гэта не зусім так для ўсіх бакоў свету, а таксама для асобных сацыяльных груп у межах адной краіны. Нягледзячы на тое, што жанчыны маюць права голасу, права на працу ды адукацыю (да гэтага часу не паўсюль!), шмат пытанняў застаюцца нявырашанымі, аб чым сведчаць дадзеныя з розных краін¹.

Фотапраект «Сястра, ты не адна!» паказвае, як Восьмае сакавіка шануюцца ў дзвюх культурна розных краінах: Беларусі і Канадзе. Падыходы да гэтага свята ў іх прынцыпова розныя, што можна самастойна заўважыць, проста набраўшы ў інтэрнет-пошуку «Восьмае сакавіка» па-ангельску ды па-руску. У першым выпадку мы атрымаем спасылкі на артыкулы пра жаночыя правы і як палепшыць іх стан, а ў другім — тосты і паштоўкі з кветкамі.

1 Гл. Take action to Orange your day. *UN Women Online*. saynotoviolence.org/sites/default/files/press/EN_Press_Kit_FactSheet_VAWworldwide.pdf (прагледжана 16.02.15).

У 2012 г. я наведла некалькі мерапрыемстваў, прысвечаных Восьмаму сакавіка, якія я знайшла на вялікім міжнародным хабе www.internationalwomensday.com. У той год толькі ў Канадзе было зарэгістравана 192 мерапрыемствы, з іх 29 — у Таронта². Нажаль, у даволі вялікім спісе краін-удзельніц я не знайшла Беларусі. Тады я вырашыла самастойна пашукаць мерапрыемствы ў Мінску, але атрымалася знайсці толькі распродажы ды рамантычныя канцэрты спевакоў. Пры тым, што ў нашай краіне Восьмае сакавіка — выхадны дзень, што дазваляе прафесійна і цікава асвятліць гэтае свята, наладзіць разнастайныя сустрэчы, дыскусіі, выставы ды інш.

² Гл. старонку: International Women's Day. www.internationalwomensday.com/esearch.asp?country=37 (прагледжана 16.02.15).

Сход актывістаў, прысвечаны Восьмаму сакавіка. Таронта.

Вось і атрымоўваецца, што тыповы дзень Восьмага сакавіка ў Беларусі выглядае наступным чынам: задаволеныя сваёй клапацлівасцю мужчыны гойсаюць па горадзе ў пошуках кветак, цукерак, тортаў ды шампанскага. На працы супрацоўнікі-мужчыны выдумляюць імпрэзы і віншаванні сваім калегам-жанчынам, прыносяць ім падарункі і кветкі. Дома жанчына таксама атрымоўвае кветкі, падарункі ды кампліменты. У гэты дзень яна нават можа не гатаваць ежу і не мыць посуд, што ў сярэднем таксама разглядаецца як падарунак, таму што звычайна беларуская жанчына акрамя сваёй дзённай працы яшчэ робіць і хатнюю працу. Гэтае свята падаецца даволі дзіўным гібрыдам Дня святога Валянціна, Дня матулі і Свята сям'і, якія святкуюць у той жа Канадзе, але там гэта тры асобныя святы, а таксама ёсць і Дзень таты. У Беларусі ж Восьмае сакавіка падаецца як дзень вясны і прыгажосці. У нашай краіне, як і ў іншых краінах былога Савецкага Саюза, гэты сапраўды важны дзень прынізілі да ўзроўня пырскаў шампанскага.

Свята Восьмага сакавіка на працы. Мінск.

Шэсце прафсаюзаў «Годня працоўныя месцы. Паслугі. Годнасць». Таронта.

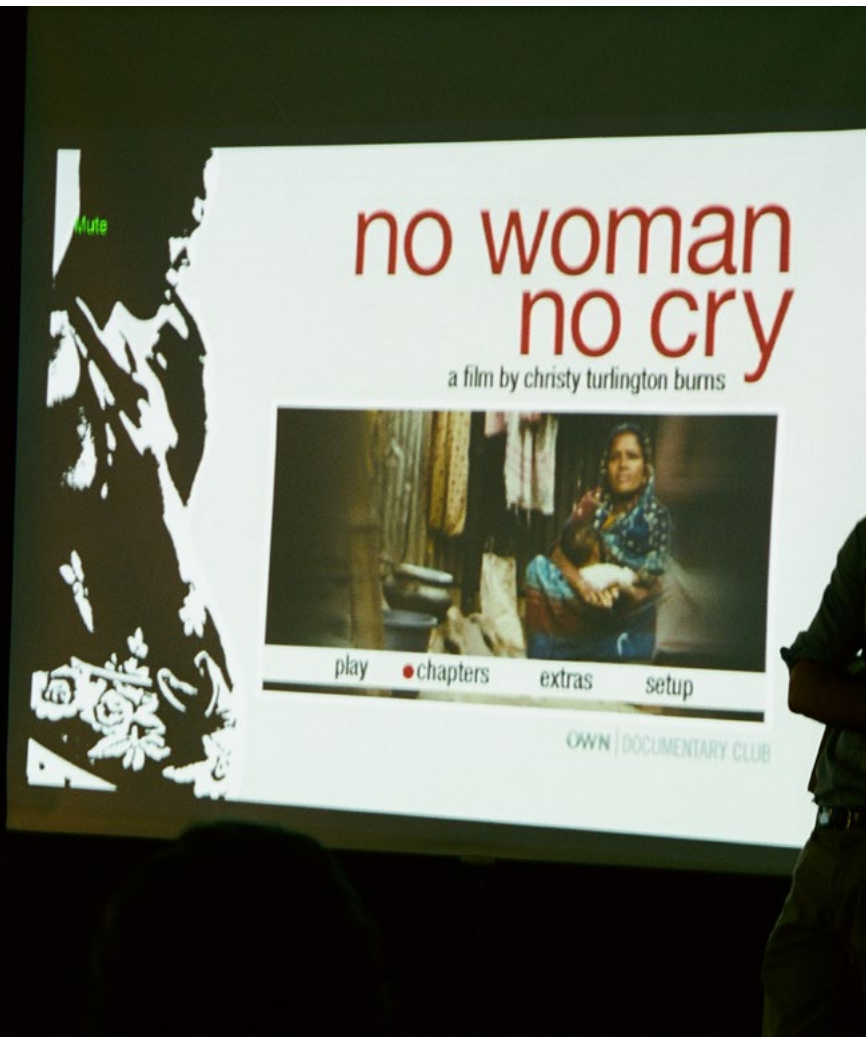
Раз на год на працы мужчынская частка працоўнага калектыву шануе сваіх калег-жанчын, але іх віншаванні часта закранаюць толькі вонкавыя рысы супрацоўніц. Тым часам шматлікія відавочныя праблемы ў сацыяльнай, грамадскай, сямейнай, палітычнай і фінансавай сферах застаюцца па-за парадкам Жаночага дня. Найбольш папулярны святочны тост гучыць не так: «За нашых цудоўных дам! Што б мы без вас рабілі? Вы ўпрыгожваеце нашае жыццё!» Іншымі словамі, жанчыны прыдуманя, каб аздабляць мужчынскае жыццё, быць прыгожымі ды не ствараць канкурэнцыю. Больш за тое, у многіх сем'ях менавіта жанчынам прыходзіцца яшчэ і гатаваць святочную ежу, набываць падарункі матулям, свякроўкам, сёстрам, настаўніцам сваіх дзетак, калегам, а таксама клапаціцца пра мужа, які часта знаходзіцца ўжо ў даволі нецвярозым стане напрыканцы *жаночага* свята.

Хтосьці скажа, што на Беларусі гістарычна так склалася, што гэты дзень пераўтварыўся ў шанаванне жаночай прыгажосці ды вясны — і нічога дрэннага ў гэтам няма. Хай бы і існаваў гэты дзіўны дзень, калі б таксама існаваў і афіцыйны дзень, калі жанчыны маглі б агучыць свае праблемы, калі б дзяржава рабіла справаздачу аб тым, што змянілася за апошні год і як палепшылася становішча з правамі і жыццём жыхарак Беларусі, а таксама што трэба рабіць далей. Менавіта гэта і адбываецца ў іншых краінах свету ў дзень Восьмага сакавіка. А для беларусак атрымоўваецца, што ўвогуле няма такога дня. Яго наўмысна скралі.

Мінскі трактарны завод імя Леніна, прыбраны да Восьмага сакавіка. Мінск.

Добраахвотны паказ дакументальнай стужкі «Няма жанчын, няма слёз», зробленай супермадэллю Хрысці Тарлінгтан Бёрнс (Christy Turlington Burns) спецыяльна для кампаніі «Кожная магуля ўлічваецца», якая існуе ў галіне адукацыі і падтрымкі жанчын і дзейнасць якой накіравана на змяншэнне родавай смертнасці ў свеце. На здымку адзін з арганізатараў мерапрыемства Эрык Фарр (Eric Farr) з Міжнароднай арганізацыі развіцця і падтрымкі (International Development and Relief Foundation). Таронта.

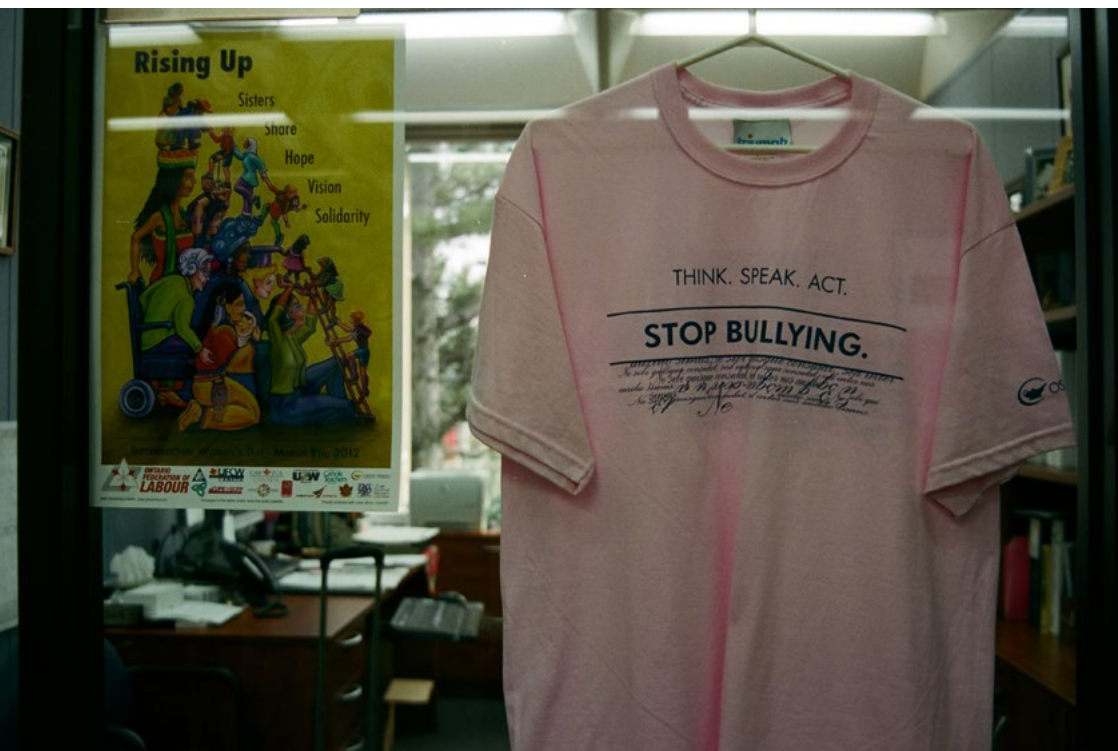
Трэба ўзгадаць, што існуе таксама і Дзень мужчын. Раней гэта быў Дзень Савецкай арміі і флоту, але пасля распаду СССР ён пераўтварыўся ў Дзень абаронцы Айчыны. Нягледзячы на тое, што жанчыны зараз таксама служаць у арміі, гэты дзень прысвечаны выключна мужчынам, якія атрымліваюць «мужчынскія» падарункі на працы і дома ў незалежнасці ад таго, ці служылі яны наогул калі-небудзь і дзе-небудзь. Адначасова існуе і афіцыйная частка свята: дыскусіі пра праблемы сучаснай беларускай арміі, дзяржаўныя ўзнагароджванні і шанаванні, маршы і мілітарысцкая прапаганда.

Мужчынскі і жаночы дні — два святы, але якое рознае да іх стаўленне. Можа, гэта адбываецца таму, што Беларусь — андрацэнтрчная дзяржава, у якой усе ведаюць сваё месца ў залежнасці ад пола? З аднаго боку, выглядае так, што самі жанчыны пазбыліся на свае правы і павагу да сябе. З іншага боку, зразумела, гэтая інэрцыя тлумачыцца тым, што атрымліваць кветкі і добрыя словы так прыемна. Тым больш, што большасць жанчын наступны раз іх атрымае толькі на свой дзень народзінаў. Праблема, канешне, глыбей падарункаў і кветак і хаваецца ў дагэтуль вельмі патрыярхальным беларускім грамадстве.

«Фемінізм і вызваленне». Таронта.

Гэты фотапраект — сумесная праца з Аляксеем Наумчыкам, які ажыцяўляў яго ў Мінску, а я — у Таронта. Мы імкнуліся перадаць адсутнасць актыўнай пазіцыі ў жанчын у дачыненні да сваіх правоў — да правоў чалавека. Мы падрыхтавалі два блокі фотаздымкаў, дзе можна ўбачыць два света, два погляды на Восьмае сакавіка: у Беларусі і ў Канадзе. Натуральна, фотаматэрыял ілюструе гэтае свята ў культурным кантэксце кожнай краіны. З канадскага боку можна пабачыць здымкі з розных мерапрыемстваў як, напрыклад, афіцыйнае адкрыццё праекта «Уключэнне гандарнага аспекту ў распрацоўку праграм для імігрантак», паэтычныя чытанні групы

Тэматычны постар Міністэрства працы Антарыо да Восьмага сакавіка і цішотка да Міжнароднага дня супраць здзекаў у школе. Таронта.

падтрымкі непаўналетніх мам, адкрыццё выставы, прысвечанай жанчынам у Паўднёва-Ўсходняй Азіі, афіцыйнае шэсце прадстаўніц і прадстаўнікоў прафсаюзаў і разнастайных жаночых арганізацый. Аляксеі здымаў на вуліцах Мінска, а таксама на працоўных мерапрыемствах і ў крамах. Мы разглядаем наш праект як адну з прыступак на шляху да паляпшэння становішча жанчын у нашай краіне.

Для тых, хто думае, што жанчынам у Беларусі няма пра што гаварыць і за што змагацца, я пералічу некалькі фактаў³. Ва ўзросце ад 18 да 60 гадоў 4 з 5 беларусак пакутуюць ад гвалту, 22,4% церпяць эканамічны гвалт і 13,1% падвяргаюцца

³ Гл.: Alternative Report on the Implementation of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women / The Republic of Belarus – 2010 / www2.ohchr.org/english/bodies/cedaw/docs/ngo/PAWIDM_Belarus48.pdf (прагледжана 01.03.15).

Жанчына гандлюе мімазай — сымбалам Жаночага дня ў краінах былога Савецкага Саюза. Мінск.

сэксуальнаму гвалту з боку мужа альбо партнёра. У Беларусі надзвычайна высокі адсотак разводаў; за апошнія дзесяць год кожны другі шлюб скончыўся менавіта так. Толькі 6% жанчын лічаць своё эканамічнае становішча добрым, 56,8% — сярэднім, і больш за трэць — дрэнным ці вельмі дрэнным. Сярэдні заробак жанчын роўны 78,4% сярэдняму заробку мужчыны; у краіне назіраецца фемінізацыя нізкааплачэных прац і дыскрымінацыя па ўзросту, сямейнаму стану і цяжарнасці. У дзяржаўных установах вышэйшай адукацыі амаль не вывучаюцца гендэрныя даследванні, асабліва правы жанчын. Спіс можна працягваць.

Сястра, ты не адна! Працягваем барацьбу.

Святочная «змена» ролямі ў вітрыне ГУМа. Мінск.

Замена т...
Установ...
Все в... сантех...
3

*Поздравляем с
8 Марта*

Прекрасный день 8-е марта,
Когда сверкает все кругом,
И разрешите Вас поздравить
С Международным женским днем!
Здоровья, счастья пожелать Вам,
Чтоб не старели никогда,
Чтобы всегда Вы процветали
Во имя счастья и добра!

РСЧС 2 УП ЖРЭО Советского района, Минск
поздравляет милых женщин с 8 марта и напоминает
уважаемым мужчинам, что лучшим подарком от Вас,
для женщин-работников ЖКУ станет своевременная
оплата за жилищно-коммунальные услуги

ЖРЭО Сог...
- 61 - 33 ил...
РЭО Советск...
57 - 32.

Мастер на час
Работает по адресу
199-80-41 Vel.
Мастер на час
Работает по адресу
199-80-41 Vel.

Мастер на час
Работает по адресу
(029) 199-80-41 Vel.
Мастер на час
Работает по адресу
(029) 199-80-41 Vel.

Услуги по
ремонтным
работам
по адресу
199-80-41 Vel.

старого района г. Минска

В
№
Д
О
У

Мастер на час
Работает по адресу
199-80-41 Vel.
Мастер на час
Работает по адресу
199-80-41 Vel.

Н МГ

отборный **КАРТОФЕЛЬ** отборный
Домашний
Доставка **бесплатно!**
Mts: 8-029-565-34-83
Velcom: 8-044-766-41-21

Картофель
Mts: 8-029-565-34-83
Vel: 8-044-766-41-21
Картофель
Mts: 8-029-565-34-83
Vel: 8-044-766-41-21
Картофель
Mts: 8-029-565-34-83
Vel: 8-044-766-41-21
Картофель
Mts: 8-029-565-34-83
Vel: 8-044-766-41-21

М К 7

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ-
КОМПОЗИТОРОМ? ЕЛЕНА ГУТИНА
БЕСЕДУЕТ С КОМПОЗИТОРОМ
ГАЛИНОЙ ГОРЕЛОВОЙ

Елена
Гутина

Академическая музыка имеет долгую историю. На ее страницах запечатлено множество имен выдающихся композиторов. Однако вплоть до середины XX в. среди них встречались лишь эпизодические женские фигуры, которые были редкими исключениями и подтверждали общее правило, — сфера профессионального композиторского творчества была закрыта для женщин. В послевоенные годы женщины-композиторы заявили о себе, их постепенно становилось все больше, но тем не менее пол автора оставался решающим для оценки творческих достижений. Коренным образом ситуация стала меняться лишь к концу XX в.

Последние несколько лет на страницах изданий, посвященных современной академической музыке, ведется полемика о релевантности самого понятия *женщина-композитор*. Высказываются мнения, что оно устарело и более не имеет смысла, так как в современном западном обществе в целом решена проблема равенства возможностей творческой реализации в сфере академической музыки для мужчин и женщин¹. С этим можно соглашаться или спорить, но невозможно отрицать тот факт, что за последние десятилетия произошли колоссальные изменения. Сложно себе представить, но еще в 1978 г. композитор Аарон Копланд

1 См.: Amy Beth Kirsten. The 'Woman Composer' is Dead. *newmusicbox.org*. 19.03.2012. www.newmusicbox.org/articles/the-woman-composer-is-dead/; Alex Ross. Even the Score. *Newyorker*. 29 April 2013. www.newyorker.com/magazine/2013/04/29/even-the-score?currentPage=all; Lisa Hirsch. Lend Me a Pick Ax: The Slow Dismantling of the Compositional Gender Divide. *newmusicbox.org*. 14.05.2008. www.newmusicbox.org/articles/lend-me-a-pick-ax-the-slow-dismantling-of-the-compositional-gender-divide/ (посещение 24.07.14).

мог открыто заявить, что у женщин есть врожденная неспособность к написанию крупных сочинений. Это было возможно в такой стране как США еще 35 лет назад. На постсоветском пространстве еще до недавнего времени можно было наблюдать подобные проявления сексизма.

Мне как женщине-композитору молодого поколения важно понять, как в «закрытом» советском обществе женщины боролись за свое право на творчество и профессиональную реализацию, с какими трудностями они сталкивались. Современное белорусское общество сохранило многие черты общества советского образца. Ситуация постепенно меняется, но через опыт предыдущих поколений можно увидеть, какое наследство мы получили от ушедшей эпохи, оценить, какой путь по направлению к реальному гендерному равенству уже пройден, и сколько еще нашему обществу нужно пройти и преодолеть.

Творческая биография ведущей белорусской женщины-композитора Галины Гореловой показательна: она достигла профессионального успеха в условиях советской действительности, которая мало способствовала творческой реализации талантливой женщины. Препятствия, которые ей пришлось преодолеть на пути к своей цели, во многом сформировали ее взгляд на проблему женской творческой реализации.

Елена Гутина

Галина Константиновна Горелова родилась в Минске. Окончила в 1977 г. Белорусскую государственную консерваторию по классу Дмитрия Смольского, продолжила учебу в ассистентуре у Анатолия Богатырева, и на мастер-классах Юрия Фортунатова (Московская государственная консерватория). Профессор, преподает композицию и музыкально-теоретические дисциплины в Белорусской государственной академии музыки (БГАМ). В 1992 г. за кантату «Anno mundi ardentis» на стихи поэтов XX в. она получила Государственную премию Республики Беларусь. Сочинения Галины Гореловой исполняются не только на родине, но и за рубежом (США, Италия, Германия, Чехия, Словения, Польша, Украина, Россия). С 2013 г. заведует кафедрой композиции БГАМ.

Елена Гутина: Расскажите, как Вы пришли к занятиям музыкой?

Галина Горелова: В детстве я очень много читала. Интересно было все: русская и западноевропейская классика, сказки народов мира увлекали меня до взрослого возраста. В них меня очаровывали рефрены, повторения, их образность. Вообще в художественных текстах меня привлекала их музыкальность, музыка слов. Я всегда обожала поэзию. Могла часами стоять в книжных магазинах и перелистывать сборники стихов. Так однажды набрела на книжечку Ли Цин Чжао, китайской поэтессы XI в., через ее стихи мне по-новому открылся мир творческой женщины. До сих пор эта книжечка у меня самая любимая. Начав сочинять, я сразу же помешалась на этом занятии и не представляла для себя ничего другого. Поступив на подготовительное отделение Белорусской государственной консерватории, я была счастлива! Пожалуй, такой же счастливой я была, только когда родился мой сын. Профессор настоятельно рекомендовал мне поступать на первый курс в Ленинград, но я для себя такую возможность даже не рассматривала.

Е.Г.: Почему так сложилось?

Г.Г.: Я очень привязана к этому месту, к Беларуси. Можно как угодно относиться к правительству, но для меня есть понятие родины и патриотизма. Причем, не ура-патриотизма, а простого понимания: вырви меня из этой почвы — и я погибну. Кроме того, я восхищалась своим профессором и не хотела учиться ни у кого другого. Много было и друзей-исполнителей. Мы тогда были счастливы — в лучшем виде исполняли наши произведения!

Е.Г.: Каким было отношение к студенткам и женщинам-композиторам во время Вашей учебы?

Г.Г.: В целом, отношение было очень снисходительным, был и большой отсев. Конечно, никому не запрещалось поступать, но предпочтение явно отдавалось мальчикам. Эдди Моисеевна Тырманд была первая наша женщина-композитор, она меня восхищала всем своим обликом. В ней человеческое достоинство ощущалось как ни в ком другом. Эдди Моисеевна

была для меня примером женской творческой реализации, а я была готова пройти через все, только бы остаться в этой профессии. В те годы девочек на композиторском отделении училось немного, но и к ним многие профессора не скрывали своего снисходительного отношения.

Е.Г.: В чем это проявлялось?

Г.Г.: Некоторые профессора относились откровенно негативно. Например, звучали такие высказывания: «Женщине не нужно делать две вещи: водить машину и писать партитуру». Подчеркивалось, что призвание женщины — это камерность, это миниатюра, музыка для детей. Женщине отказывали в масштабности мышления. И со стороны ребят отношение было аналогичное. Меня это преследовало всю жизнь.

Когда Союз композиторов был жив, а не мертв, как теперь, все выдвижения на звания, на премии проходили через общие собрания, через правление. Тогда, прежде чем обсуждать мое творчество, говорили: «Как, бабу выдвигать на премию?». Так прямо открыто и высказывались, не в лицо, правда, но разговоры такие до меня часто доходили. Мне все время приходилось что-то доказывать. Любому одаренному человеку всегда приходится доказывать, что он чего-то стоит. Даже Шостакович, перед гением которого я преклоняюсь, каждый день доказывал, что он талантлив, что он Шостакович. Ну а перед женщиной задача стояла еще сложнее.

Есть, правда, и другая сторона. Иногда бывает, мне не очень нравится мое сочинение, я понимаю, что оно не получилось. Саму себя ведь не обманешь. И я вижу — я женщина, и в своих суждениях коллеги-мужчины меня жалеют, боятся обидеть, выбирают мягкие формулировки. Они проявляют большую чуткость. Но это, в общем, оборотная сторона той же медали. Повзрослев и поумнев, я поняла, что все эти стереотипы заложены в глубинах сознания.

Выдающиеся женщины-исполнительницы были всегда — знаменитые певицы, инструменталистки. А вот женщин-композиторов было очень мало, буквально единицы за всю музыкальную историю. Я безмерно восхищаюсь Гражиной Бацевич, Марией Шимановской. Талант не имеет пола, а

вот распоряжение этим талантом — безусловно. У мужчин культурой настолько сформировано мнение, что творчество — это их вотчина, что они очень болезненно воспринимают вторжение в эту вотчину. Мне однажды сделали комплимент после премьеры: «Это так хорошо написано, что даже как будто и не женщина писала». Меня не хотели обидеть, а искренне восхитились.

Е.Г.: Какие пути решения этой проблемы Вы для себя видели?

Г.Г.: Что с этим делать? Только работать и только доказывать. Я выбрала этот путь, мне он кажется самым правильным.

Е.Г.: А какова ситуация в современной Беларуси?

Г.Г.: Это довольно сложный вопрос. С одной стороны, в какой-то мере ушло снисхождение. На отделении композиции сейчас учатся преимущественно девочки. Но с другой — сколько из них заканчивает обучение и остается в профессии? Единицы. Многие по-настоящему талантливые студентки уходят, выбрав семью. Пока ты учишься, над тобой есть преподаватель, который требует результатов, есть экзамены и зачеты. А когда ты заканчиваешь учебу, ты предоставлена сама себе и своему выбору. Мальчики, конечно, тоже уходят в другие сферы, но скорее по причине непрестижности и невостребованности этой профессии в нашей стране. И это, как мне кажется, общая проблема, как для мужчин-композиторов, так и для женщин. К сожалению, это наша белорусская реальность. Очень важно в жизни, я считаю, угадать свое предназначение. Главное, чтобы у женщины был выбор, чтобы она могла реализоваться таким или иным образом. Сейчас, как мне кажется, выбор есть.

Е.Г.: Есть ли в этом заслуга феминизма?

Г.Г.: Да, конечно. Но в большей степени, как мне кажется, это заслуга тех женщин, которые стали пробиваться непосредственно в своей профессии. Возможности современной женщины сложились из множества усилий отдельных женщин, которые доказывали своим примером, своей жизнью, что

женщина ничуть не уступает мужчине ни по творческому потенциалу, ни по каким-либо другим параметрам. У нас, к сожалению, пока все не так, как на Западе. Изменения происходят, но нужно делать поправку на нашу специфику — у нас всегда все позже и трудней.

Е.Г.: Как Вам удавалось совмещать роль матери и активную творческую деятельность?

Г.Г.: Мне постоянно приходилось выбирать. Я очень хотела делать творческую карьеру, были различные поездки на фестивали и т.д. Я была очень занята собой, своей музыкой. Очень помогала мама, это был мой посох, на который я всегда могла опереться. Ее помощь просто неоценима.

Моя любимая тема — про Еву и Лилит. Мне очень хотелось их «в одном флаконе» соединить, сочетать. И, наверное, подсознательно вся моя жизнь была этому посвящена. Если бы я была замужем, это было бы просто невозможно. А так у меня оставалась какая-то часть энергии, ресурсов для того, чтобы себя реализовать. Я понимала, что у женщины, которая выходит замуж, наполовину уменьшаются права и наполовину возрастают обязанности. А если она будет своим характером разрушать мужа, то и себя тем более. Сколько себя помню, я никогда не мечтала о замужестве. Есть такие вещи, которые ты не можешь преодолеть, они в твоей голове. Может показаться, что я плохо отношусь к мужчинам, но это неправда — мне не за что к ним так относиться, многие из них мне помогали в жизни. Просто я вокруг себя ничего не видела, кроме пяти линеек нотного стана. Вся моя молодость — это шоры из этих пяти линеек.

Е.Г.: Возможности творческой реализации для мужчин и женщин уравниваются, где-то быстрее, где-то медленнее. Как Вам кажется, остаются ли у мужчин преимущества и в чем они заключаются?

Г.Г.: Если говорить о нашем постсоветском обществе, то здесь в профессиональной сфере остается гораздо больше мужчин, так как у женщин слишком много отвлекающих моментов в жизни. Женщина постоянно терзается: может быть, она

бы достигла большего, выбрав семью? София Губайдулина² говорила, что для нее нет ничего интереснее, чем блуждать по тропинкам своей души. Для меня же этот выбор всегда был непрост: я всегда мучилась мыслью, правильный ли выбор я сделала и не лишила ли моего сына чего-то очень важного. У нас мужчины избавлены от необходимости мучительно выбирать и приносить свою личную жизнь в жертву искусству. В этом их счастье.

² София Губайдулина — одна из крупнейших женщин-композиторов второй половины XX в., родилась в СССР, живет и работает в Германии.

Алина
Крушинская

НА ПУТИ К ЖЕНСТВЕННОСТИ
ИЛИ ОТ НЕЕ: ИСТОРИИ
НЕНОРМАТИВНОЙ ЖЕНСКОЙ
ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОСТИ†

Ежедневно вступая в социальное взаимодействие в качестве женщин и мужчин, преподавателей и студентов, левых и правых, представителей своих национальностей, мы актуализируем множественные символические, социальные, географические, культурные и политические границы. В фаллологоцентричном мире, ориентированном на универсального «мужского» субъекта, существование границ всегда таит в себе угрозу обесценивания того, кто находится за рамками дуалистических оппозиций. Испытывая на себе нормирующее давление границ, субъекты выстраивают свою идентичность, ориентируясь на них. Мы постоянно как бы держим в голове тот образ мужчины или женщины, ровняясь на который (с большей или меньшей степенью рефлексивности), корректируем свою внешность, поведение и образ жизни в целом. Даже концепции, описывающие идентичности и категории квир, предполагают наличие соответствующих кодов для гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных идентичностей. Таким образом, увлеченность категориями приводит к продвижению все новых границ.

Однако если существуют границы — то существуют и особые пространства «между», которые «не обладают статично-

† Эта статья является частью магистерского проекта Алины Крушинской, выполненного в рамках магистерской программы Центра гендерных исследований ЕГУ: А. Крушинская. *Визуализируя пол и сексуальность: женская субъектность. Магистерская работа*. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2013.

© Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 4. Приватное: (не)видимое публичное. 2014. С. 53-67.

стью раз и навсегда заданных кодов и категорий, раз и навсегда заданных идентичностей и практик»¹. Тогда можно сделать предположение о существовании таких жизненных стратегий, которые ускользают от включения в те или иные политики идентичности и поддерживают «центрированного» субъекта. Такая нефиксированная субъектность является своеобразным способом движения к гендерной нормативности или от нее.

В этой статье я анализирую репрезентации специфической женской субъектности, а именно: когда нормативное «понимание» идентичности приписывается женщинам на основе внешних «знаков» пола. Речь идет о гетеросексуальных женщинах, специфичность которых является препятствием на пути их идентификации как с категорией женственности, так и с категорией гетеросексуальности, поскольку они оказываются в пространстве между границами женского и мужского, гетеросексуального и гомосексуального.

Репрезентация их опыта нуждается в рефлексивной методологии, предложенной феминистскими качественными исследованиями, именно для того, чтобы понять особенности их гендерной повседневности. На первом этапе исследования, которое во многом родилось из личного опыта, моя цель состояла в том, чтобы изобрести некую категорию, позволяющую описать и теоретически осмыслить мой собственный и схожие с ним женские опыты. Аналитическая категория «ненормативная женская гетеросексуальность» призвана была объединить и зафиксировать совокупность практик, которые приводят к сбою категоризации на двух уровнях — пола и сексуальности. Проще говоря, я пыталась категориально обозначить идентичность женщин, которых в силу некоторых внешних и поведенческих характеристик принимали то за мальчиков, то за лесбиянок. Однако приступив к анализу интервью² с ин-

1 Н. Нартова. Эссе о границе // *Laboratorium*. 2010. № 1. С. 268.

2 Исследование основано на проведении и анализе фокусированных полуструктурированных феминистских интервью. Проведенный анализ интервью с перспективы политик идентичности и теории номадизма (заимствуя концепт и методологию Р. Брайдотти) показывает, что артикуляция информантками своего понимания пола и сексуальности, а также практик, в которых они реализуются, существенно отличается от академического дискурса, формализующего эти категории в научных теориях. Таким образом, женственность и гетеросексуальность, представленные в опыте конкретных женщин, разворачиваются в новом содержании и осмысливаются новыми средствами.

формантками Дашей³ и Юлей⁴, я столкнулась с определенным концептуальным сопротивлением эмпирического материала. Данные, полученные от информанток, как бы «выскальзывали» из той категоризации, которую я как исследовательница пыталась на них «натянуть».

Сложно встретить человека, которого бы не заботил пол его собеседника. Гендерная «считываемость» является необходимым условием успешного коммуникативного акта⁵. Невозможность сразу распознать в человеке женщину или мужчину вызывает реакцию, обозначаемую как «гендерное беспокойство» (*gender trouble*)⁶. Избавиться от этой нерелексированной практики приписывания пола практически невозможно. «Мы не только хотим знать, к какой категории по полу принадлежат те люди, с которыми мы общаемся (мы хотим распознавать эту принадлежность с первого взгляда), но считаем также, что другие демонстрируют нам свою половую принадлежность настолько убедительно, насколько это возможно»⁷. Кроме того, оказывается, что в повседневном взаимодействии имеет значение не только пол, но и распознаваемая, а также приемлемая для доминирующего дискурса, сексуальная идентичность человека. Такое мгновенное распознавание необходимо для контроля сексуального влечения по отношению к людям соответствующего (то есть — противоположного) пола⁸.

Для информантки Даши категория пола является неочевидным и травматическим аспектом ее субъектности, это та проблема, с которой она «хочет пойти к психотерапевту». Для нее принадлежность к женскому полу является скорее формальностью, вроде отметки в паспорте: «*Не знаю, у меня*

3 Информантка Даша: во время исследования 24 года, родилась в Гомеле, состоит в отношениях, получила высшее образование, работает, проживает в Варшаве. Интервью взято в г. Варшава 7 января 2012 г.

4 Информантка Юля: во время исследования 29 лет, родилась и проживает в Вильнюсе. Интервью взято в г. Вильнюсе 6 февраля 2012 г.

5 А. Темкина, Е. Здравомыслова. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Портал *Open Women Line*. www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm (посещение 15.08.14).

6 Дж. Батлер. Гендерное беспокойство // *Антология гендерной теории*. Сост. Е. Гапова, А. Усманова. Минск, 2000. С. 297-346.

7 К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера // *Хрестоматия феминистских текстов: Переводы*. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург, 2000. С. 204.

8 Там же. С. 215.

с этим проблемы. Ну в смысле как, я женщина, я не хочу быть мужчиной. Но если бы у меня спросили, кем бы я хотела быть, какого пола, — я бы сказала “никакого”».

Даша капитулирует перед вопросом о том, через что выражается женский пол, поскольку не соотносит себя с женской идентичностью и, как результат, считает себя некомпетентной: «...у меня нету этого, поэтому я не знаю, что значит женственность». Для информантки оказывается трудным определить те внешние и поведенческие признаки и характеристики, которые наполняют категорию женственности, поэтому вместо того, чтобы описывать ее «изнутри» своего опыта, она апеллирует к общему знанию, воспроизводит распространенное представление о «среднестатистическом проявлении женственности», выражающемся, по ее мнению, в таких качествах, как: «плавность движений», «грациозная походка, лебединая», особые жесты и манеры, общепринятый дресс-код (платье, юбка, каблуки), использование декоративной косметики.

У информантки Юли, напротив, не вызывает сопротивления процесс идентификации себя с женским полом, однако этот аспект все равно проблематизируется в ее биографическом нарративе. Категория женственности для нее не просто существует, но и является «в некоторой степени по некоторым параметрам ключевой»:

...И тогда мне через год должны были делать операцию гинекологическую. Ну и для этого, чтобы подготовить меня к операции, я целый год с пятнадцати-шестнадцати [...] в таком возрасте пила гормональные таблетки, сильные. [Пауза.] В результате чего у меня погубел голос очень сильно. Сейчас, ну когда, как это сказать... Сейчас я уже считаю это своим достоинством и уникальностью какой-то. Но в момент вот переходного возраста это был очень болезненный вопрос. Потому что... надо мной там насмехались одноклассники, что вот у мальчиков мутирует голос, у тебя мутирует голос... Сейчас я как бы могу регулировать, и я понимаю, когда он такой, когда он другой. Тогда были такие вот волны. Я могла и фальцетом заговорить, и там и грубо, и все остальное. Для меня это, на самом деле, тогда это была огромная такая травма...

В своей классической работе «Гендерное беспокойство» Джудит Батлер подвергает деконструкции процессы гендер-

ной идентификации и констатирует, что в ходе этих процессов утверждается «параллельная, но оппозиционная внутренняя связь пола и гендера с желанием». На практике это значит, что высказывание «чувствовать себя женщиной» подразумевает нечто большее, чем соответствие с женской анатомией — оно подразумевает «отличие от противоположного рода, противопоставление себя ему»⁹.

Это противопоставление себя мужскому роду хорошо прослеживается в случае с Юлей, причем механизмы различения, разграничения себя с мужским полом оказываются задействованными в подростковом возрасте:

Ну вот как я сейчас понимаю, что у меня тогда был, скажем, в подростковом возрасте такой очень, ну на мой взгляд [...] ну скажем, классический набор каких-то, ну назовем их, мужских качеств. ... Неважно, что я носила длинные волосы, но у меня был грубый голос, я была очень инициативной такой, ну как говорят, солдат в юбке, там всегда была какими-то старостами, еще чем-то. И в какой-то момент я поняла..., не в какой-то, а когда эти пертурбации с голосом начались, что как бы ну вот, а я типа девочка, но я не девочка. Ну как-то так вот себя начала неуютно чувствовать, потому что именно как-то все эти качества причислила именно к, ну скажем, мужским таким.

Информантка отмечает, что грубый голос у нее ассоциируется с «грубостью в принципе, а грубые по каким-то моим тогдашним понятиям были мужчины». Женщины, по ее мнению, должны быть «мягкими, нежными», формировать соответствующий женский стиль одежды. Таким образом, «грубый голос», который теперь является ее «уникальностью» и «достоинством», в юности стал для нее своеобразной отправной точкой, механизмом запуска для начала ее движения по направлению к нормативности:

Но я помню, были там попытки какой-то такой более-менее женский стиль формировать, начать какие-то там юбки носить. [...] У меня какая-то, я помню, как сейчас, такая была какая-то установка внутренняя, что я вот с этой грубостью буду как-то бороться сейчас, ... и посредством внешности, там, может быть, меньше выступать, меньше там какое-то свое «я» показывать.

9 Дж. Батлер. Гендерное беспокойство... С. 325.

Перемещения и трансформации гендерной субъектности информантки Даши, напротив, происходят в противоположную от нормативности сторону. Это движение нельзя назвать ни линейным, ни осознанным или целенаправленным. В отличие от номадического пересечения границ у Розы Брайдотти¹⁰, существование субъекта информантки в «гендерном приграничье» не является ее выбором, а скорее вынужденной необходимостью, или даже, неизбежностью. Во-первых, несмотря на то, что Даше «в принципе по жизни ближе мальчуковый код», иногда у нее «бывают проблески... хочется чего-то такого, да, среднестатистического проявления женственности». Во-вторых, ее «мальчуковый» образ, как выясняется из нарратива, складывался еще с самого детства, под влиянием родных:

Моя мама воспитывала меня... Ну то есть, смотря детские фотографии и рассказы... Я всегда там в шортах, в безрукавке, в рубашке, в джинсах. ... Причем что не было так, что специально это делалось, да. А может быть и специально. Ну то есть мама из меня хотела с бабушкой вырастить девочку, но как бы вырастили то, что вырастили. И я с самого детства... у меня, грубо говоря, был такой стиль. То есть у меня не было того, что я ходила в юбках и платьях, ... ну и я там себя плохо чувствовала, а когда я уже повзрослела, я что-то поменяла. То есть я с детства, всегда.

Наконец, субъектность информантки, испытывая на себе нормирующее давление политик идентичности, согласно с которыми женщины должны быть женственными, а мужчины — мужественными, все же ощущает тягу к женственности, однако оказывается неспособной пересечь эту границу:

— То есть в детстве это было неосознанно, потому что меня воспитывали родители, меня воспитывала мама, и это то, как она меня видела, то, что она в меня вкладывала, да. А потом это... я сейчас такая, как есть, потому что, во-первых, неудобно, во-вторых, я привыкла, а в третьих, я какие-то свои комплексы за чем-то прячу. Ну то есть я не одену мини-юбку, платье, потому что мне кажется, что то-то не так, это не так, пятое-десятое...

— Но хотелось бы?

— Ну иногда хочется. Иногда хочется. Ну то есть нет такого. Я смотрю на девочек. И мне иногда действительно хочется этого, но

10 Р. Брайдотти. Различие полов как политический проект номадизма // *Хрестоматия феминистских текстов: Переводы*. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург, 2000. С. 220-250.

я понимаю, что я настолько в себе воспитала вот такое поведение, да, ну там от походки до ну я не знаю...

— *Позы...*

— *Позы, да, сидеть, стоять. Что... ну это будет смотреться глупо. Ну то есть и зачем себя ломать. Но хочется.*

Американские исследовательницы Кэндес Уэст и Дон Зиммерман вводят категорию принадлежности по полу, которую они понимают как ситуативное выражение подразумеваемого пола индивида, которое в обыденной жизни поддерживается «социально заданными идентификационными проявлениями (дисплеями)», где является «интеракционное изображение того, что мы хотели бы выразить в отношении нашего полового естества, используя конвенциональные жесты»¹¹. При этом подразумевается, что половая принадлежность не только считывается, но и демонстрируется. «Эта виртуозная игра выучена актерами давно, она срослась с их жизнями, поэтому она выглядит естественным проявлением их сущности — выражением не гендера, но естества (биологического пола). В этом и заключается загадка конструирования гендера — каждую минуту участвуя в этом маскараде представления пола, мы делаем это таким образом, что игра кажется нам имманентно присущей и отражающей нашу сущность»¹².

Социальные конструктивисты используют метафору игры и маскарада для того, чтобы объяснить, каким образом скрываются механизмы воспроизводства гендерных идентичностей. Однако эта метафора не способна объяснить те сбои и разрывы, которые возникают, когда «естественное проявление сущности» оказывается невозможным, да и сама эта сущность не вполне очевидна в том, что она — женственность или мужественность, а может быть, что-то еще:

То есть меня удивляет, почему кого-то, каких-то левых людей, волнует, мальчик я или девочка, если меня об этом спрашивают, да. То есть я не считаю, что это должно кого-то заботить. В то же время, конечно же, я хочу, чтобы все видели, что я девочка, но хочу ли я выглядеть как совсем вот девочка-девочка — я не уверена.
(Даша)

11 К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера... С. 195, 199.

12 А. Темкина, Е. Здравомыслова. Социальное конструирование гендера...

В обыденной ситуации, когда определение пола оказывается невозможным, неопределенность вызывает тревогу у считающего субъекта, т.к. принадлежность по полу является важнейшей, хотя и не осознаваемой, характеристикой. Другими словами, мы задумываемся о половой принадлежности только в тот момент, когда ее автоматическое определение оказывается затруднительным или невозможным.

Тревога, которая возникает у окружающих по отношению к Даше, на самом деле является чем-то большим, чем на первый взгляд является безобидное беспокойство, которое подразумевают под этим словом социальные конструктивисты. Тревога запускает в действие такие репрессивные механизмы и практики, которые не только «удивляют» и «обижают», но и приводят к физическому насилию над индивидом:

Ну сейчас я на это не обращаю внимания... а раньше меня это реально обижало. Ну то есть, что не видно, что я не мальчик?! Ну как бы даже в одежде. Ну то есть почему я могу различать людей, неважно, как, во что они одеты, ну то есть женщина это или мужчина. Ну как бы, а меня сразу причисляют к это... к мужику... ну то есть я не вижу в себе таких мужских проявлений, чтобы ну прямо вот можно было сказать, что я парень. Ну а еще. Еще меня обижают... ну были такие... ну много было случаев. Например, едут какое-нибудь бычье в трамвае, или где-то напротив меня, и обсуждают, мужик я или баба. Ну как бы... выбирают, мужик я или баба.

Гендер, согласно Уэст и Зиммерман, «является деятельностью по организации ситуативного поведения в свете нормативных представлений об аттитюдах и действиях, соответствующих категории принадлежности по полу»¹³. В отличие от принадлежности к категории по признаку пола, определяемой по идентификационным и гендерным дисплеям, гендер является чем-то большим. «Женщины могут быть и неженственными, но это не делает их «неженщинами»¹⁴. Гендер — это некая нормативная конфигурация поведения, достигаемая благодаря наличию гендерной компетентности. Гендер является не просто набором застывших маркеров, но деятельностью по созданию и использованию этих маркеров во всех возможных ситуациях. В качестве ресурсов по созданию гендера

¹³ К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера... С. 195.

¹⁴ Там же. С. 204.

рассматриваются: физические характеристики социального окружения, стандартные социальные ситуации, конвенционально экспрессивные ситуации и др.¹⁵

Мне представляется, что таким ресурсом по созданию субъекта (обладающего женским гендером) для обеих информанток стали их первые отношения с мужчинами:

Я не помню, чем это уже там закончилось. Получалось там что-то у меня по тем временам — не получалось. Но в любом случае да, я когда в первый раз начала дружить с мальчиком, наверно, в семнадцать лет, и тогда это все так улетучилось очень быстро, потому что я поняла, что как бы есть люди, которым я и такая нравлюсь. И как бы специально стараться работать с вот этой своей как бы женской идентичностью не имеет смысла. (Юля)

...С Денисом чувствую себя женщиной, потому что ему со мной, в той женщине, которой я являюсь, ему со мной хорошо. (Даша)

[— Менялся ли как-то твой образ за последние годы? Становился он более или менее женственным?]

— Менялся в любом случае, он стал более женственным. Ну то есть из-за Дениса, из-за моего желания. То есть я не знаю, из-за Дениса или из-за моего желания, но какой я была за четыре-пять года назад до Дениса, даже если посмотреть по фотографиям, и тем, чем я сейчас являюсь. Да, в принципе, может быть, что-то не изменилось, но вообще, ну даже в одежде, в таких вот, даже в походке, может быть, в разговоре, ну вообще вот в общении с людьми. Ну то есть поменялось много. (Даша)

Гендер создается во взаимодействии и предполагает подотчетность. Это является очень важной характеристикой, т.к. говорит о том, что участники социального взаимодействия все время как бы испытывают, проверяют поведение друг друга на соответствие сущностной женственности и сущностной мужественности. Таким образом, «категория принадлежности по полу, и гендер являются управляемыми свойствами поведения», и эти свойства определенным образом влияют на иерархию мужчин и женщин в обществе¹⁶. Однако, как показал проведенный анализ нарративов, управляемость в гендерной идентичности заложена как потенциал, который

15 А. Темкина, Е. Здравомыслова. Социальное конструирование гендера...

16 К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера... С. 210.

можно реализовать при наличии определенных внешних и внутренних ресурсов индивида. Субъектность же зачастую сопротивляется попыткам манипулировать ей, направляя на «правильный путь». Таким образом, я определила бы гендерную идентичность, как феномен, существующий по разные стороны границ, в виде мужского или женского, в то время как субъектность реализуется на пограничье, курсируя между этими двумя воплощениями нормативности.

Концептуальное осмысление сексуальности и ее связи с гендером претерпело несколько революционных этапов. Первые исследования в этой области (относящиеся еще к сексологии и, частично, фрейдизму) настаивают на естественном биологическом происхождении сексуальности, поддерживая тем самым доминирующую гетеросексуальную идеологию. Современные теоретики не сомневаются в социальной природе секса, утверждая, что сексуальные желания, практики и формы являются продуктом социального регулирования. Феминистская критика разоблачает гетеросексуальную брачную репродуктивную модель как репрессивную идеологию, которая подавляет как женщин, так и мужчин, как гомосексуальные, так и многие гетеросексуальные практики.

Батлер отмечает, что система пол/гендер/сексуальность является целостной в том случае, когда «желание является гетеросексуальным и поэтому отличает себя через отношения противопоставления тому гендеру, которого оно желает». То есть комплементарность мужского и женского в культуре нуждается в оппозиционной гетеросексуальности. В свою очередь, гетеросексуальность требует культурно определенной половой принадлежности¹⁷.

Однако если культурно определенная половая принадлежность, как в случае с информантками, оказывается под вопросом, то что тогда происходит с конструктом гетеросексуальности, в частности, и сексуальности — вообще? Российская исследовательница Надя Нартова, пытаясь по-своему осмыслить феномен границы и опыт нахождения внутри конкретной, географической границы, разделяющей государства и территории, пишет: «Граница как голограмма — смотришь с одной стороны: она предстает плоским, относительно понят-

¹⁷ Дж. Батлер. Гендерное беспокойство... С. 326.

ным (потому что плоским), поблескивающим [...] пространством. Чуть повернешь голову, поймаешь точку взгляда — и она разворачивается, насыщается, приобретает объем»¹⁸. Голлографичность границы в том, что «она может открыться/развернуться другими (неизвестными заранее, не прожитыми ранее) пространствами, людьми, ситуациями»¹⁹.

Казалось бы, если гетеросексуальность формально определяется через объект желания, выраженный в противоположном поле, то границы, отделяющие гетеросексуальность от гомосексуальности, являются максимально понятными и прозрачными. Однако сама по себе сексуальность, в отличие от «секса», под которым подразумеваются «плотские акты», отсылает «ко всем эротически маркированным аспектам социальной жизни и социального бытия, таким как желания, практики, отношения и идентичности»²⁰. Это значит, что гетеросексуальность, воплощенная в опыте конкретных людей, разворачивается и воплощается вне гетеросексуальных правил.

Периодически повторяющиеся с обеими информантками случаи неверного приписывания сексуальности на основании внешних характеристик позволяют сделать вывод о существовании специфических визуальных и поведенческих кодов, не только для гендерной идентичности, но и для сексуальной:

А что касается вот понятия, ну скажем вот этой атрибуции, да, то... Один раз все-таки была какая-то такая ситуация, что гей-мужчина тоже подумал, что я лесбиянка. И там была одна девушка-лесбиянка. Она мне потом говорила, что они там чуть ли не в один из первых вечеров с вот этим мальчиком решали, лесбиянка я или нет. И решили, что если я не лесбиянка, то хотя бы бисексуал, чем я тоже не являюсь. И я тогда тоже ее просто спросила напрямую. Я понимаю, что им, скажем, интересно... идентифицировать там, скажем, похожих на себя или к той же коммюнити принадлежащих. Но говорю, по каким вообще вы признакам, ну, то есть... что во мне именно такого, о чем... почему вы вообще, ну, как бы, начали это квестинировать? И мне очень ответ и удивил, и разочаровал в тот же самый момент. Она сказала что, во-первых, внешность, при этом перечислила: короткие волосы, короткие ногти и штаны — что, ну, для меня прозвучало как дикость, потому что таких

18 Н. Нартова. Эссе о границе... С. 270.

19 Там же. С. 271.

20 S. Hekman. Beyond identity. Feminism, identity and identity politics // *Feminist Theory*. Vol. 1.3. 2000. P. 106.

женщин полным-полно. Потом она, да, еще на голос обратила внимание. То, что я, типа, не боюсь, как-то, сильно, ну, громко и открыто говорить, ну, что я там тоже активно участвовала в этих семинарах, не боялась, мнение выражать и все остальное. И мне как-то это... Она как бы ответила на этот мой вопрос, но и в то же самое время, мне кажется такой немножко, внесла такой... Но перемешала многие, многие вещи в одном котле... (Юля)

Как уже отмечалось выше, распознавание сексуальной идентичности друг друга необходимо для контроля сексуального влечения по отношению к людям соответствующего пола. И это правило действует не только для гетеросексуальных идентичностей, но и для альтернативных им, гомосексуальных, бисексуальных и квир идентичностей. Так, продолжая свой рассказ, Юля пересказывает слова своей собеседницы:

Она как-то пыталась мне сказать, что типа, ну ты же понимаешь, нас же так мало, мы же меньшинство, мы всегда были меньшинством, всегда будем. И там,... ну я поняла, что она тоже про свой личный опыт говорит, что, наверное, были какие-то... очень неприятные столкновения у нее в этой сфере, я не знаю, я только так догадываюсь. И тогда, говорит, прежде чем пойти на какой-то контакт ты сканируешь ситуацию, то есть, ну, там... оцениваешь свои шансы и все остальное.

Этот принцип контроля сексуального влечения действует таким образом, что индивиды склонны, иногда ошибочно, включать в свои границы других индивидов на основании правил, существующих на данной территории, что может являться травматичным как для одних (поскольку приводит к разочарованию и неоправданности ожиданий), так и для вторых (поскольку действует как репрессивный, нормирующий механизм):

...А если, например, ко мне... девушки пристают, да, а я этого не хочу, да, как бы, то они меня воспринимают заведомо как свою. Но я не своя, не счи... я этого не хочу. Мне кажется, что это какая-то ошибка, их ошибка или моя ошибка в поведении, или их ошибка в представлении меня. Ну или моя ошибка, опять же, в этом... (Даша)

Но, да, далеко не во всех ситуациях, я, как бы, об этом, вообще, задумываюсь. Ну, в конкретных, наверное, которые тебя касаются, там, ну, типа... Загляделась на кого-то, а это оказывается гей,...

или например, ... кто-то на меня загляделся и, ну, вот, опять спутали [смеется]. И надо тогда как-то опять, ну, ни то, что выстраивать все это по-новому, но... но каждый раз это такой, как бы... не то, что тест, а такая, ну, да, может и проверка, насколько ты вообще, ну, чувствительна к этим вопросам. Потому что мне кажется, что я довольно-таки, чувствительна. И этим могу, иногда, обидеть своих, например, дру... подруг-лесбиянок. И это мне не нравится. С этим надо работать. (Юля)

Батлер предостерегает от той распространенной теоретической установки, которая сводит гендер к сексуальности. По ее мнению, разделять гендер и сексуальность необходимо, как минимум, по двум причинам. С одной стороны, обладание гендером не должно предполагать конкретную сексуальную практику, а сексуальная практика какого-либо рода не должна предопределять гендерные характеристики ее приверженца. С другой стороны, гендер не следует сводить к иерархической гетеросексуальности, поскольку «попадая в гомосексуальный контекст, он принимает различные формы, его бинарность оказывается недействительной за рамками гетеросексуальной основы, сам гендер внутренне нестабилен, примеры трансгендерной жизни ломают каузальную зависимость между сексуальностью и гендером»²¹. Продуктивность этих взаимосвязанных установок заключается в том, что, во-первых, для «освобожденной» от гендера сексуальности открываются разнообразные возможности; а во-вторых, возникают новые категории гендера, не обусловленные формами гегемонной гетеросексуальности²².

Например, Юля не испытывает желания поменять что-либо в своем внешнем образе или поведении, так как «в социальном плане считает себя довольно [...] состоявшимся человеком», что еще раз говорит о том, что сознательно выбрать или принять путь номады можно, обладая определенными символическими ресурсами. В этом смысле можно предположить, что статус Юли, коренной виленчанки, проживающей в Вильнюсе, занимающей престижную должность в успешной организации, открывает ей больше возможностей для реализации своей субъектности, несмотря на нормирующее давле-

21 Дж. Батлер. Гендерное регулирование // *Неприкосновенный запас*. 2011. №2 (76). www.magazines.russ.ru/nz/2011/2/ba2.html (посещение 15.08.14).

22 Там же.

ние политик идентичности. Даша, проживающая в эмиграции в Варшаве, являясь студенткой магистратуры и сотрудницей одной из белорусских организаций в Польше, испытывает явные затруднения с реализацией своей субъектности. Безусловно, здесь имеют значения и другие факторы, такие как, например, семья и отношения в семье.

Можно припомнить, что Брайдотти в качестве примера номадических жизненных стратегий приводит стиль жизни современных ведущих феминистских исследовательниц, для которого характерны полиглотизм, доступ к прекрасному образованию, финансовая независимость, высокий уровень мобильности и др. Мне кажется, что социальное положение Юли и ее широкий круг общения позволяют ей чувствовать себя более уверенно и комфортно, чем социальный статус Даши. Так, из ответов Юли видно, что ее окружают люди, например, ее друзья — феминистские исследовательницы, с которыми она просто и свободно обсуждает вопросы идентичности и сексуальности. Среди них она находит ту поддержку и понимание, которые способствуют ее индивидуальному развитию. Можно сказать, она уже практически отыскала свою субъектность и сейчас находится в процессе ее реализации. Чего, разумеется, не скажешь о жизненной стратегии Даши, которая все еще в поиске собственной субъектности. В этом смысле пример Юли в гораздо большей степени соответствует модели номадического сознания по Брайдотти. Номадность же Дашиного субъекта, оставленного практически один на один со своими сомнениями (до того, как я начала свое исследование, мы фактически не обсуждали эти вопросы), характеризуется меньшим уровнем осознанности. Замкнутая в довольно узком кругу общения, она не привыкла говорить о своей гендерной идентичности и своей сексуальности. Ее ответы переполнены чувством незащищенности, сомнениями и оговорками. Если Юля апеллирует к экспертному знанию своих друзей, то Даша склонна апеллировать к общему знанию, которое, разумеется, действует на нее подавляюще.

В завершение хотелось бы отметить, что хотя ошибки приписывания гендерной или сексуальной (или и той, и другой вместе) идентичности являются, несомненно, травматичным

опытом, вновь и вновь пропуская индивидов через контрольно-пропускные пункты пограничных переходов, они разворачивают то самое креативное пространство непринадлежности, отделенности, о котором говорит Брайдотти²³. Как Даша, так и Юлия, признаются, что, будучи сами помещенными в пространство неопределенности, они начинают чаще с интересом наблюдать за другими, осмысливают свой опыт и становятся более «чувствительны к этим вопросам». Опыт номады, особенно вынужденной номады, позволяет занять такую точку зрения, с которой у нее не возникнет соблазна поддаться теориям политик идентичности, поскольку она слишком хорошо знает, какие последствия влечет за собой различие, воплощаемое границами.

Жизненный опыт информанток, выраженный в их нарративах, показывает, как сама нормативность нарушается ненормативными сексуальностями, что таятся в ее собственных терминах. Гетеронормативность можно понимать как институционализацию гетеросексуальности, а также «формирование того, как *делается* гетеросексуальность, и как *быть* и *становиться* гетеросексуальным, впрочем, как и формирование *действия* и *бытия* альтернативных сексуальностей»²⁴. Это значит, что нормативная гетеросексуальность не только маргинализирует и «наказывает» те сексуальности, которые не помещаются в ее пределы, — прежде всего она строго регулирует сами гетеросексуальные практики.

23 Р. Брайдотти. Различие полов...

24 S. Jackson. Gender, sexuality and heterosexuality // *Feminist Theory*. Vol. 7.1. 2006. P. 117.

Слышимы ли голоса трансгендеров на публичных площадках или же тема трансгендерных идентичностей запрятана на территориях сугубо частного, не разделенного публичного опыта? Существует ли русскоязычный трансгендерный дискурс вообще? Частично ответ можно найти на крупнейшем русскоязычном ресурсе для трансгендеров «TransGender.ru»¹. Форум, насчитывающий тысячи участниц/ков², позволяет публиковать свои автобиографии и знакомиться с рассказами о себе других трансгендеров. Эта статья посвящена описанию частного автобиографического опыта трансгендеров в публичном пространстве форума.

Говоря о трансгендерности, важно обозначить понятие *цисгендерности*. Под цисгендерными понимаются те типы гендерной идентичности, в случае которых существует соответствие между биологическим полом, данным при рождении, и гендерным самоощущением человека³. Трансгендерность (при всей неоднозначности и сложности самого понятия) обозначает те виды идентичности, в которых наблюдается несовпадение биологического пола и самоощущения. Цисгендерность как понятие была определена позже трансгендерности, чтобы

1 Он-лайн форум «TransGender.ru»: www.transgender.ru/obschatsya/forum (посещение 20.12.14).

2 Использование такого обращения сознательно используется в тексте статьи. На сегодняшний день вопрос окончаний в гендерно маркированных словах обращает на себя исследовательское, активистское внимание. Обращение к группе людей лишь в мужском роде, будь то «участники», «исследователи», «активисты» и т.д., является примером вытеснения из языка «участниц», «исследовательниц», «активисток».

3 Н. С. Crethar, L. A. Vargas. Multicultural intricacies in professional counseling // J. Gregoire, C. Jungers (Eds.). *The counselor's companion: What every beginning counselor needs to know*. Mahwah, NJ, 2007. P. 61.

■ © Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 4. Приватное: (не)видимое публичное. 2014. С. 68-77.

показать другой полюс идентичности — для тех, чей биологический пол, тело и самоидентификация совпадают⁴.

Выявить и определить положение трансгендерных людей в интернете довольно сложно. Сами участницы/ки форума подчеркивают недостаток информации о трансгендерности в медийном пространстве:

Я страдала от жуткого информационного голода. Интернет в то время был примерно тем же[,] что и компьютер — чем-то далеким и неизвестным, в газетах и журналах про гендерную тематику найти ничего такого не удавалось. (Викуська, 24.07.2012, 13:36).⁵

Интернет-форум в данном случае можно рассматривать в качестве публичной площадки, которая позволяет найти информативное и информирующее поле, сравнить свой опыт и свое мироощущение с историями других людей, осознать наличие референтного сообщества, получить возможность обозначить собственный опыт как трансгендерный. Как правило, возникает потребность в диагностике собственного положения. Будь то запрос на выявление своего трансгендерного статуса: «*Очень надеюсь[,] что на форуме смогу окончательно осознать то[,] кем являюсь[,] и найти выход из ужасной сложившейся ситуации*» (Анютка, 14.08.2012, 14:45), или на получение понимания и/или принятия: «*[П]росьба к вам помочь найти себя, и как справиться с этим. Я ищу поддержки у вас*» (Viki Vi, 04.12.2012, 16:29); «*Я к вам пришлазнакомиться, общаться. [М]ожет посоветуете что. [П]одскажете[,] где и как идти на беседу с психологом. [К]ак вообще первые шаги сделать к обществу[,] а не от него*» (An(you)ta, 30.11.2012 04:19).

Форум воспринимается участницами/ками как экспертное пространство, задающее тон вопросам, и, в то же время, наруживающее отношения власти между новыми и уже давно зарегистрированными участницами/ками, между определившимися в своем трансгендерном статусе и сомневающимися. Вопрос о том, кто и из какой перспективы (не) может производить то или иное высказывание, определяется позицией

4 K. Schilt, L. Westbrook. Doing Gender, Doing Heteronormativity: “Gender Normals,” Transgender People, and the Social Maintenance of Heterosexuality // *Gender & Society*. Vol. 23.4. 2009. P. 461.

5 Здесь и далее в цитатах участниц/ков форума сохранены авторская орфография и пунктуация.

участницы/ка форума: положение эксперта возможно занять при наличии соответствующих отсылок к собственному опыту — совершенной операции, успешном каминг-ауте, обретении подходящих условий для комфортного существования, а также при большом стаже участия в форуме и/или позиции модератора сообщества.

Формы автобиографий, представленных на форуме, вариативны. Описание может выглядеть как короткая биографическая справка, как хронологически выстроенная документалистика, как представление для сайта знакомств и даже как развернутое многостраничное описание истории своей жизни, написанное в стиле художественного произведения, с завязкой и развязкой. Формат форума предполагает нарративное описание приватного опыта трансгендерности. Такая форма позволяет выделять главную/ного героиню/я (авторку/а представления), сюжет, его форму и ряд сопровождающих характеристик: регрессивность/прогрессивность нарратива, завершенность/незавершенность, цикличность/векторность и т. п.

Нарративное повествование в автобиографических письмах-представлениях оказывается местом производства трансгендерных идентичностей. Это может проявляться как самоидентификация в категориях трансгендерности (от жаргонных «трансик», «хикка» до форм более унифицированных, заимствованных из английского языка — MtF, FtM⁶); описание приватного опыта трансгендерности; артикуляция желания быть самим собой *«хотя бы здесь» [на форуме]*. Истории, которые зачастую имеют форму либо в той или иной степени поэтапного описания собственной жизни, либо описания переживания своей трансгендерности, можно рассматривать с одной стороны в качестве *практики знакомства* участниц/ков сообщества друг с другом, с другой — как *практику самоидентификации*.

Можно отметить, что в большинстве автобиографий является опознание себя в качестве участницы/ка трансгендерного сообщества (*«Привет, привет[,] девчонки. Теперь я с Вами»*), включение собственной истории в ряд других (*«Моя*

6 MtF — male-to-female — термин, который используется для обозначения людей, операционным путем сменивших биологический пол с мужского на женский, FtM — female-to-male — используется для обозначения людей, сменивших женский пол на мужской.

история очень похожа на другие, свою историю я напишу с юмором»), производится структурирование рассказа через введение категории трансгендерности в начале текста биографии («*Меня зовут Тэд[,] и я ФтМ*»; «*Общение на этом сайте решила начать с представления. Уже боль[ш]е месяца пытаюсь разобраться в себе[:] кто я ТВ или ТС.*»⁷). Стратегии представлений трансгендеров на форуме, описывая приватный, зачастую сложноартикулируемый и редко звучащий опыт, задаются форматом форума, а также самим автобиографическим жанром.

Средства и стратегии оформления автобиографий участников: разделение приватного опыта с сообществом

«Зона видимости» — понятие, применяемое Ириной Савкиной к женским автобиографиям⁸, — до какой-то степени может описать автобиографии трансгендерных людей. Жанр автобиографического описания оказывается возможным тогда и при таких условиях, когда человек имеет право голоса, т.е. обладает статусом и позицией, позволяющими обладать правом голоса.

Заявить о себе, обнаружить себя — это действие, возможное в self-нарративе, которое частично предопределяется форумом — площадкой высказывания. Ведь рассказ о себе как публичное действие предполагает аудиторию. Здесь становятся важными вопросы: что это за аудитория, кто является читателем, насколько публичным является сам текст? Если вести речь о представленности трансгендерной биографии как жанра, в русскоязычном пространстве следует отметить книгу трансгендерного писателя Аше Гарридо «Я здесь», описывающую трансгендерный опыт собственной жизни в биографическом формате⁹. Однако, говоря о биографиях форума

7 ТВ — трансвестит/ка; ТС — транссексуал/ка.

8 И. Савкина. «Пишу себя...» *Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века*. Ph.D. Dissertation. Tampere: University of Tampere, 2001.

9 А. Гарридо. *Я здесь*. Самиздат: 2013. www.samlib.ru/g/garrido_a/estoy_aqui.shtml (посещение 20.12.14).

«TransGender.ru», следует учитывать как формат (интернет-сообщество — анонимное и условно ограниченное аудиторией трансгендерных людей, для которых существует форум), так и цель самих автобиографий — они создаются для общения в сообществе, которое, в свою очередь, накладывает определенные ограничения на описание участникам/цами своего опыта.

Условно, формы автобиографий на форуме «TransGender.ru» можно разделить на два вида:

1. развернутое описание личной истории, с подробностями и прояснением отдельных сюжетов;
2. короткое приветствие-запрос, которое впоследствии расширяется и дополняется вопросами модераторов и участниц/ков сообщества.

Разрозненный и плохо поддающийся категоризации опыт трансгендеров характеризуется тем, что гендер и пол проблематизируются. Участницы/ки форума рефлексируют над собственным статусом, отмечая, что знания о трансгендерности, присутствующие в обывательском представлении, недостаточны для включения трансгендеров в общественную структуру общества как его легитимных участниц/ков:

Люди вообще странно относятся к нашему «брату аль сестре»... Общество, в большинстве своем, светит лишь скудным набором знаний, они не в состоянии понять и принять великое множество обиденных мирских (и не очень) вещей.

Понимают ли люди то, каково быть трансгендером? Очень часто нет. Мы видим ограниченность человеческого мировоззрения очень хорошо (и на почве собственной ситуации — свою ограниченность в оном так же). Первобытное общество, заметив то, что они не могут себе объяснить, брали камень и старались убить. По моему[,] мало что изменилось. (AnderSon, 20.11.2013, 01:33).

Как видно из данного примера, общество воспринимается здесь как маргинализирующее трансгендерный опыт. Проводится граница между цисгендерами и трансгендерами, осуществляется проблематизация статуса трансгендерности и ее восприятия обществом.

Еще один важный аспект автобиографий — то, как называют себя сами участницы/ки форума. Логика выбора имени/псевдонима на сайте и объяснение этого выбора может различаться, но участницами/ками, как правило, вво-

дится причина называния себя тем или иным именем: «(Я себя называю Аня (просто нравится это имя)). Я с самого детства считала себя девочкой» (anna19, 27.07.2013). Имя, которое присваивается участником форума, может становиться одновременно анонимизирующей и в то же время субъективирующей практикой:

Зовут меня Darren (вообще-то, никто меня так не зовёт, это просто набор букв для регистрации на сайте, ну да ладно), мне 21 год и я, к счастью, асексуал, что избавляет меня от многих вопросов касательно построения отношений. А, точно... ещё я FtM. (Darren, 03.10.2013, 00:50).

Биографический опыт, таким образом, можно рассмотреть в качестве представленного информативной и формативной частями. Где информация в большей своей части сосредоточена вокруг репрезентации, рефлексии, анализа, интерпретации трансгендерности (собственной или в целом), а часть, отвечающая за форму текстов, оказывается под властью территории сетевого сообщества, задающего формат, предполагающий: представление себя, знакомство с участн_иками и участн_ицами форума и описание истории своей жизни и/или отдельных кейсов в контексте трансгендерности¹⁰.

Гетеронормативность как сквозная нить публичного дискурса участников форума

Матрица современного русскоязычного общества гетеронормативна и предполагает отношение к гетеросексуальности как к социальной норме. Говоря о гетеронормативности в приложении к трансгендерности, мы выходим на дихотомию *цисгендерность/трансгендерность*. Эта связка во многом возникла в русскоязычном публичном пространстве благодаря публикациям и выступлениям российской транс*активистки Яны Ситниковой, которая критикует мнимую нормативность цисгендерности и ненормативность трансгендерности¹¹.

¹⁰ Такую форму написания предлагают Яна Ситникова и другие транс*активист_ки. Нижнее подчеркивание указывает на включение в разговор трансгендерных людей. См. подробнее: www.yanasitnikova.livejournal.com/ (посещение 20.12.14). *Прим. ред.*

¹¹ Я. Ситникова. Список цисгендерных привилегий // *Равноправка*. 07.05.12013. равноpravka.ru/2013/05/cisprivilege/ (посещение 20.12.14).

Кроме того, следует учитывать гетеронормативное устройство самого русского языка. Русский язык оказывается крайне негибок в том, что касается отхода от биполярности полов, мужского и женского¹². Участн_ицы и участн_ики форума форума вольно или невольно являются заложниками языка, воспроизводя эту дихотомию. Невозможность вписать себя в рамки «женщины» или «мужчины» может проявляться в тексте автобиографий, с одной стороны, как слом языковых конвенций, а с другой — как попытка тем или иным образом присоединиться к нормативному полу: «*Мальчи[ш]ки-мальчишками, девч[о]нки-девч[о]нками, а я? Значит[,] правда, полу-девочка я получаюсь?*» (Ольга, 19.04.2012, 03:35).

Большинство участн_иц форума составляют те, кто идентифицирует себя как женщин. Обращение к онлайн сообществу как к девичьему коллективу является доминирующей формой приветствия. Участни_цы часто подчеркивают, что большую часть сообщества представляют трансгендерные женщины, например: «*Привет[,] девоньки*» (Nedotroga, 09.06.2012, 23:16); «*Здравствуйте[,] дорогие девочки, а так же и другие люди*» (Transseksualo4ka, 05.08.2012, 21:36).

Трансгендерность в гетеронормативном обществе, как правило, определяется как девиация, отклонение от нормы. В случае с трансгендерностью, «нормой» является цисгендерный гетеросексуальный мир, в котором «естественность» категорий мужского и женского не поддается сомнению. Трансгендерные люди проблематизируют понятие «естественности» самим фактом своего существования. Однако одним из самых выраженных мотивов в автобиографиях оказывается «ненормальность» участниц/ков сообщества. Отсюда, маркерами описания трансгендерного опыта в биографиях становятся такие слова как «*ненормальный*», «*не такой, как у обычных людей*», «*другой*», «*иной*».

Часто происходит самостигматизация участниц/ков: «*Очень, очень многие люди еще не готовы признать факт того, что матушка[-]природа тоже порой ошибается*» (Kitsune, 29.11.2012, 20:52). Интересно отметить, что сами трансгендерные люди в большой степени могут оказываться заложника-

12 А. Першай. Пространство трансгендера: язык, культура и гегемония пола // *Такая*. 2004. №3. takaya.eu/texts/essay/transgender/ (посещение 20.12.14).

ми доминирующих гендерных предписаний и представлений о «естественности» пола, если таковые существуют в данном обществе. При этом участницы/ки форума отделяют себя от «нормативного большинства»: «[Н]у простите меня за мат! [О]днако, что, бывает иначе, среди «нормальных» людей??» (Nedotroga, 09.06.2012, 23:16). Сравнение нормы и не-нормы в данном высказывании вводится посредством категории «нормальные люди» и отделения себя от «обычных», «нормальных», «всех» людей.

Сами участницы/ки форума важную роль приписывают медицинским, психиатрическим и психологическим дискурсам¹³. Более того, некоторые автобиографии даже «впитывают» патологизацию и медиализацию трансгендерности:

Большинст[в]о так называемых психологов пишет о том[,] что транссексуалки — сумашедшие, ненормальные люди с патологиями мозга. Мне больно и страшно это читать и осознавать? Неужели я сумашедшая? Неужели я обречена на вечное одиночество? (Анютка, 14.08.2012, 14:45).

То есть сами трансгендеры помещают себя «вне» нормы, заведомо оказываясь в маргинальной позиции.

Тема телесности и сексуальности в автобиографиях участниц/ков

Описание собственного трансгендерного опыта, как правило, не обходится без описания телесности, которая выступает весомым фактором оформления желаемого/необходимого/чувствуемого себя. Будучи «гендерным дисплеем»¹⁴, тело оказывается заложником жестких социальных предписаний к мужчинам и женщинам, к мужественности и женственности. Отношение к собственному телу является одной из важнейших тем в биографиях участниц/ков форума.

Тело не является немым свидетелем страданий, оно скорее объясняется как источник и виновник этих страданий. Несответствие черт лица, особенностей походки и желаемых схем

13 См.: М. Фуко. *История безумия в классическую эпоху*. Санкт-Петербург, 1997.

14 См., например: И. Гофман. *Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия*. Ч. II. Под. ред. С.В. Жеребкина. Санкт-Петербург, Харьков, 2001. С. 306-335.

поведения собственным ощущениям и желаниям становится причиной ненависти к своему (зачастую отчуждаемому от себя авторкой/ом) телу:

Я открыла глаза, по верх одеяла лежали две массивные руки, я с ужасом и отвращением подняла их и посмотрела на ладони. Не веря в реальность происходящего[,] я доползла до зеркала, то[,] что я там увидела[,] меня повергло в ужас. Синевой оцетинился подбородок и верхняя губа, рубленные черты лица, огромный нос. Я не верила[,] что это мое лицо, мои руки, мое тело. Впервые со школы я разревелась. (Викуська, 24.06.2012, 13:36).

Именно тело оказывается некоторым маркером (не) успешности в том, что касается конструирования и формирования своего опыта. Совершение ряда практик преобразования (таких как операция, гормональная терапия, овладение практиками перемещения и размещения тела в пространстве в соответствии с гендерными предписаниями тому или иному полу) дает или не дает необходимое соответствие тела.

Порядок производства трансгендерной идентичности, как правило, включает в себя конструирование некоторого разрыва между своей физиологической проявленностью пола и самоощущением. Отсюда опознание «сбоя» в функционировании половых органов в качестве маркера собственной трансгендерности:

И в плане «аппаратного обеспечения», как мальчика, далеко не все было в порядке. То есть, оно в принципе «функциклировало», но с постоянными сопутствующими проблемами. Воспаления всякие и прочая лабуда... (Ольга, 01.05.2012, 03:44).

Секс как практика становится площадкой для рефлексии над собственной (не)встроенностью в те или иные гетеронормативные порядки:

Ну как бы[,] конечно[,] же вышло не так[,] как надо) непонятное поведение стало появляться очень редко, всего пару раз было, секс теперь мне в радость — только мне нравится как бы овладевать им, ему так тоже больше нравится[,] и это заметно. (@artemida@, 19.08.2012, 13:09).

Палитра описываемых в ходе сексуального контакта эмоций и чувств обогащается переживаниями, нехарактерными для цисгендерных людей:

Когда я увидела живьем, вблизи — красивое женское тело... На место возбуждению и любопытству пришли злость и зависть) И я такая сижу и смотрю на ту девушку, а она бедная думает[,] что как[-]то не так делает)) (Владислава, 11.09.2012, 07:35).

Получается, что тело другой/го, которое в нормативной гетеросексуальной логике выступает объектом сексуального желания, в данном случае сопоставляется с собственной схемой тела, производится анализ, сравнение. Акцент с сексуального желания тела смещается на потребность им обладать, т.е. иметь подобное тело как соответствующее представлениям о желаемом облике себя. При попытке авторки/ра вписать себя в гетеронормативный порядок, оказывается, что сексуальные практики, так или иначе, затрагивают не только и не столько процесс производства сексуального желания, сколько процесс рефлексии над телом (собственным) как ущербным, несовершенным, не соответствующим желаемой внешней форме. Телесный аспект задает и высвечивает рамки нормы и не нормы, производимых в рассказах трансгендерных участниц/ков.

Трансгендерный опыт, будучи сложным и неоднородным, нуждается в публичном описании. Форум же делает опыт трансгендерности видимым и публичным. Конечно, форум трансгендеров, пусть и довольно крупный, не гарантирует полноценного включения опыта и «голоса» трансгендерности в публичный дискурс. Однако, учитывая сегодняшнюю ситуацию с ЛГБТК в постсоветских странах, существование русскоязычного форумного сообщества дает надежду на то, что голоса трансгендерных людей обретут крепость и будут все заметнее в публичном пространстве.

ПРО СЕКСУАЛЬНОСТЬ
КАК ИДЕНТИЧНОСТЬ, ГРАНИЦЫ
НАЦИИ И ПУБЛИЧНОСТЬ:
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ АНТОЛОГИИ
«120 СТОРИНОК СОДОМУ»[†]

Андрей
Тихомиров

В последние годы ЛГБТ-тематика стала частью ежедневной политической риторики на постсоветском пространстве. В начале 2010-х гг. законы «о противодействии пропаганде гомосексуализма» были приняты сначала в ряде регионов России, а впоследствии и на федеральном уровне, украинские парламентарии несколько лет подряд «возвращались» к этой теме и озвучивали различные предложения в этом направлении. На этом фоне Молдова с ее довольно скромной записью в законодательстве о запрете дискриминации по признаку сексуальной ориентации выступает практически пионером среди стран Содружества Независимых Государств.

Квир-антология «120 страниц содома», изданная в 2009 г. в Киеве, стала предметом большого внимания в медиа-пространстве Украины и за ее пределами. О выходе книги я узнал из сообщения на сайте белорусской газеты «Наша Ніва», которая была посвящена скорее реакции части публики на презентацию сборника на форуме книгоиздателей во Львове¹. Рецензенты обратили внимание не столько на художествен-

1 «У Львові прэзентацыя зборніка гей-паэзіі скончылася паграмам». *Наша ніва*. 14.09.2009. www.nn.by/?c=ar&ci=29472 (посещение 19.07.14).

† Работа была первоначально опубликована на украинском языке: Андрей Тихомиров. Про сексуальність як ідентичність, межі нації та публічність. Замітки на маргінесах «120 сторінок содому». *historians.in.ua*. 02.10.2012. www.historians.in.ua/index.php/avtorska-kolonka/396-andrei-tykhomirov-pro-seksualnist-iak-identychnist-mezhi-natsiia-publichnist-zamitky-na-marhinesakh-120-storinok-sodomu-120-storinok-sodomu-uporiadnyku-iryana-shuvalova-albina-pozdniakova-oles-barlih-kyiv-krytyka-2009-137-s (посещение 19.07.14). Публикуется с авторскими изменениями с разрешения редакторов портала historians.in.ua.

ные стороны текстов антологии, а сколько на общественную значимость появления такого издания. Украинская поэтесса и переводчица Виктория Нарижна показательно назвала свою рецензию «Антология как поступок?» и постаралась перевести дискуссию в русло разбора текстов, прежде всего обращая внимание на их эстетическое значение, как бы направляя анализ книги к мотивации и стремлениям самих авторов, редакторов и составителей².

Украинская исследовательница Мария Маерчик свое послесловие к антологии «120 страниц содома»³ назвала «Вторгнення гомосексуальности»⁴ и подчеркнула быстроту процессов легитимации ЛГБТ-сообщества на постсоветском пространстве по сравнению с Западом. Она связала это также с быстротой самого процесса вестернизации и глобализации через медиа-ресурсы.

Первая моя реакция на эту книгу возвращала меня из украинского контекста в «родной» белорусский и была достаточно предсказуемой: появление такой антологии ЛГБТ-поэзии в современной Беларуси практически невозможно. Среди целого ряда причин общественного и политического свойства стоит отметить также и психологические трудности в восприятии таких текстов — не все читатели и читательницы к этому «готовы». Трудно было бы найти переводчиков, авторов и издателей, которые бы согласились выйти «с этой темой» в публичное пространство, и трудно представить себе общественную реакцию. В течение 2010–2012 гг. в Беларуси выход в публичное пространство ЛГБТ-сообщества активизировался по крайней мере через Интернет и наверняка перестал уже вызывать сильную негативную реакцию среди части интеллектуалов (в отличие от большинства населения). Украину можно, наверное, считать более либеральной страной, где такого рода издание смогло появиться и вызвать живое обсуждение. Текст белорусского автора присутствует в антологии, и это очень показательное явление для белорусско-украинских культурных связей: белорусская литераторка Наста Манцевич со сво-

2 В. Нарижна. Антология как поступок // *Гендерные исследования*. Вып. 19. 2009. С. 340–345.

3 *120 сторінок содому: Сучасна світова лесбі/гей/бі література. Квір-антологія*. Упорядники І. Шувалова, А. Позднякова, О. Барліг. Київ, 2009.

4 М. Маерчик. Вторгнення гомосексуальности // *120 сторінок содому...* С. XV–XXV.

ей прозаической лирикой стала авторкой, которая не боится выйти в публичное пространство с очень личными текстами⁵.

О сложности работы переводчиков написано много, но сложность перевода поэтических произведений иногда просто трудно оценить. Тексты о «сексе», собранные под одной обложкой, редко эпатируют этим самым «сексом» в его обычном понимании. Они разноплановы, зачастую ироничны, написаны авторами разных идентичностей и ориентаций. Тексты антологии не только вызывают эстетические ощущения, но и мотивируют потребность узнать о культурном и социальном контексте жизни стран, в которых живут сами авторы. Среди авторов есть широко известные литераторы, которые не всегда ассоциируются в своих странах только с ЛГБТ-культурой, как, например, польские писатели Яцек Денель, Изабелла Филипьяк (Морска) и Эдвард Пасевич. Часто поэзия и проза становятся выражением социальных проблем, прежде всего, толерантности, восприятия обществом инаковости, внутренних конфликтов.

Научные дискуссии вокруг самосознания, идентичности, самоопределения на постсоветском пространстве последние двадцать лет во многом циркулировали вокруг понятия «нации» и «национального». Иные социальные характеристики пока не смогли стать полноценными аналитическими инструментами. «Нация» стала стержнем идентичности, вокруг которого строится наше самосознание. В той или иной степени можно говорить также и о меньшинствах, которые осознаются через иную этничность или религиозную принадлежность. Другие социальные маркеры как бы отошли на другой план и только недавно стали выходить за границы своих маленьких замкнутых пространств: возраст, физические и психические недостатки, образование, социальное происхождение, пол. Как кажется, именно с *полом* как понятием возникли трудности в семантическом плане: трудности перевода западной терминологии практически вытеснили понятие *пол* словом *гендер*, ставшим весьма модным и одновременно не до конца

5 Про первую книгу Насты Манцевич см.: «Першая кніжка Насты Манцэвіч: новы погляд на жанчыну, табуяваныя тэмы». *Наша ніва*. 18.07.2012. www.nn.by/?c=ar&i=76961 (посещение 19.07.14).

понятым в нашем восточноевропейском контексте⁶. Третьим словом среди этих терминов стал, конечно, *секс*: сексуальность вошла в повседневность прежде всего через медиа-ресурсы.

Но стоит отметить, что построение идентичности на основе сексуальности стало чем-то совершенно новым, каким-то современным видом диссидентства. Негетеронормативная сексуальность — все то, что не вписывается в гетеросексуальную матрицу, — стала способом построения самосознания и основой для осмысления общности (*community*). Прежде всего, для осознания общности интересов представителей какой-то маргинализованной группы и совместной борьбы за признание и равные права этой группы. Конструирование идентичности, основанной не на национальном или классовом начале, вызывает у значительной части общества как минимум удивление, перерастающее в непонимание и часто — в страх. Противопоставление себя «иной» сексуальности, пожалуй, становится основным маркером собственной идентификации для гетеросексуального большинства. А что может быть более сильным маркером как не сексуальные желания?

Сексуальность, а точнее, проблема выбора партнера непротивоположного пола или же каких-то других негетеронормативных вариаций, стала вызовом для понимания класса и нации на постсоветском пространстве. Французский историк Пьер Нора связал эти процессы с фрагментированием устоявшихся идентичностей и возвращением в «большую» историю меньшинств, в том числе и сексуальных⁷. Историкам в «нашей» части Европы еще предстоит «вернуть» прошлое ЛГБТ для осознания современности. Писать такую историю очень сложно, потому что возникает проблема источников, методологии, осмысления объекта исследования и собственно потребности такого исследования⁸. ЛГБТ-сообщество в постсоветских странах одновременно «переживает» *понимание*

6 В последнее время можно отметить стремление к реабилитации понятия пол в социальный и гуманитарных науках, см.: С. Ушакин. *Поле пола*. Вильнюс—Москва, 2007. С. 35-56.

7 П. Нора. Історія як захист від політики. *historians.in.ua*. 02.02.2012. www.historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/117-pier-nora-istoriia-iak-zakhyst-vid-polityk-y?tmpl=component&print=1&layout=default&page (посещение 19.07.14.).

8 Про трудности такого историописания в белорусском контексте см.: У. Гарбацкі. Адсутная гісторыя гомасексуальнасці Беларусі. *ARCHE*. 10.06.2010. www.arche.by/by/page/works/2418 (посещение 19.07.14.).

собственной инаковости и *осознание* потребности воспринимать себя полноценной частью общества.

Квир-антология «120 сторінок содому» получилась не только украинской: авторы из других стран в ней даже преобладают. Но антология остается украинской, прежде всего, потому, что существует потребность перевести творчество ЛГБТ автор_ов и автор_ок⁹ на украинский язык и дать соответствующие понятия. Таким образом, украинскость получила еще один общественный аспект и еще сильнее вошла в диалог с другими культурами и моделями самосознания. Антология стала не только своеобразной презентацией части культурного пространства ЛГБТ. Она стремится показать ту часть общества, которая среди прочего конструирует свою идентичность с учетом сексуальности и вписывает сексуальность в национальный контекст посредством украинского языка.

9 Этот вариант написания является примером гендерно-нейтрального языка, включающего трансгендеров — группы, во многом маргинализованной внутри ЛГБТ-сообщества. Использование форм с «нижним подчеркиванием» активно использует в своих текстах транс*активистка Яна Ситникова, см. например: www.yanasitnikova.livejournal.com. Прим. ред.

Вера Матэічук (у першым замусце Маслоўская, у другім — Карчэўская, псеўданім — Мурашка, 24.03.1896, горад Супрасль, сёння Падляшскае ваяводства, Польшча — 23.01.1981, Супрасль), дзятка беларускага нацыянальнага вызваленчага руху, адна з пачынальніц беларускага жаночага руху.

Вера Матэічук нарадзілася ў беднай шматдзетнай — 12 чалавек — сялянскай сям’і. Дзятцінства правяла ў вёсцы Агароднічкі пад Супраслем. Пачатковую адукацыю атрымала ў Агароднічках і Супраслі, аднак далейшаму навучанню перашкодзіла кепскае матэрыяльнае становішча сям’і — і Вера Матэічук вымушана была кінуць вучобу і пайсці зарабляць. Напачатку працавала на тэкстыльнай фабрыцы Цытрона ў Беластоку, адкуль праз некаторы час была звольнена за арганізацыю страйка.

Я чытала кніжкі, якія толькі трапляліся пад руку, што найбольш мяне займала — жыццё і змаганне вялікіх і гераічных людзей, якія змагаліся за правы пакрыўджанага беднага Народу. Чытаючы такія кніжкі, я задумвалася і так моцна, што сядзела падоўгу ў такіх думках, пакуль хто не выводзіў мяне з задумаў. А выводзіў мяне найчасцей мой родны бацька, які казаў, што з кніжак я хлеб есці не буду... О, як мне балела тады душа...

Па звальненні Матэічук працавала пакаёўкай у Супраслі, паралельна — завочна вучылася ў Свіслацкай настаўніцкай семінарыі (сёння Свіслацкі раён Гродзенскай вобласці, Беларусь), дыплом аб сканчэнні якой атрымала ў 1914 г. Аднак працаваць па спецыяльнасці не атрымалася: выбухнула Першая сусветная вайна. У 1917 г. скончыла каротка-

тэрміновыя курсы пры Свіслацкай *беларускай* настаўніцкай семінарыі, што адчынілася падчас нямецкай акупацыі, атрымала накіраванне ў вёску Грабавец (сёння Гайнаўскі павет Падляшскага ваяводства), дзе арганізавала адну з першых беларускіх пачатковых школ.

У 1919 г. Вера Матэйчук пражывала ў занятай польскімі войскамі Вільні (Вільнюс, Літоўская Рэспубліка), дзе вучылася на Першых беларускіх настаўніцкіх курсах. Тут яна ўключылася ў актыўную палітычную барацьбу, далучыўшыся да Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (эсэраў), якія знаходзіліся ў апазіцыі да польскіх уладаў.

Па сканчэнні курсаў Матэйчук настаўнічала ў вёсцы Карма (сёння Уздзенскі раён Мінскай вобласці, Беларусь), працавала школьным інструктарам на Дзісенскі і Барысаўскі паветы (сёння Віцебская і Мінская вобласці). У гэты час пабралася шлюбам з афіцэрам польскага войска Уладзімірам Маслоўскім, які праз некалькі месяцаў загінуў на фронце. Увесну 1920 г. Вера Матэйчук-Маслоўская ў Мінску засноўвае Цэнтральны саюз беларусаў, які дзейнічаў да лета 1920 г. — прыходу Чырвонай арміі. Працуе інструктарам беларускага аддзела пры Камісарыяце народнай асветы БССР. Пры канцы 1920 г. вяртаецца ў Агароднічкі — урад Беларускай Народнай Рэспублікі, які знаходзіўся на выгнанні ў Каўнасе, і партыя беларускіх эсэраў даручае ёй стварыць на Беластоцчыне падпольную паўстанцкую арганізацыю, якая б змагалася, як і іншыя партызанскія і падпольныя арганізацыі ў Беларусі, падзеленай палякамі і бальшавікамі, за здабыццё незалежнасці краіны і вызваленне ад польскай і савецкай акупацыі. Неўзабаве беластоцкая арганізацыя займела шырока разгалінаваную структуру, ёй таксама падпарадкавалася моцнае партызанскае злучэнне пад камандаваннем Германа Шыманюка («Скамароха»). Месцам канспіратыўных сустрэч для атрымання грошай, інструкцый, літаратуры быў літоўскі памежны гарадок Мерач, дзе знаходзіўся беларускі партызанскі штаб, куды Матэйчук неаднаразова выязджала.

У верасні 1921 г. як дэлегат ад Беластоцчыны Вера Матэйчук бярэ ўдзел у Беларускай нацыянальна-палітычнай канферэнцыі ў Празе (Чэхія). Свой удзел у канферэнцыі ахарактарызавала наступным чынам:

Я не магла спакойна глядзець на тую несправядлівасць, той здзек, які я бачыла над беларускім народам. І лічыла, што не шляхам эвалюцыі, а рэвалюцыі нам трэба змагацца за свае правы!

На канферэнцыі была прынятая рэзалюцыя, якая перасцерагала беларускі народ ад непатрэбнага праліцця крыві, заклікала яго ўстрымацца ад неарганізаваных выступленняў, але «моцна аб'яднаць свае сілы да таго моманту, калі праб'е час агульнанароднага рэвалюцыйнага змагання за права кожнага народа быць гаспадаром у сваім краі». Таксама канферэнцыя пацвердзіла прынцып непадзельнасці Беларусі і не прызнала Рыжскую дамову 1921 г., якая замацавала падзел беларускіх земляў паміж Савецкай Расіяй і Польшчай.

Пастановы Пражскай канферэнцыі працягнулі ўвагу польскіх уладаў, перадусім рэпрэсіўных органаў. Увесну 1922 г. некалькі дзесяткаў падпольшчыкаў, у тым ліку і Вера Матэйтчук-Маслоўская, былі арыштаваныя і кінутыя за краты. Матэйтчук была асуджана ў маі 1923 г. на «Працэсе 45-і» — судзе над сарака пяццю ўдзельнікамі заходнебеларускага нацыянальнага руху. Матэйтчук, як адна з арганізатараў партызанскай барацьбы, абвінавачвалася ў арганізацыі падпольнай арганізацыі, удзеле ў Пражскай канферэнцыі, дачыненні да партызанскай барацьбы і інш. На судзе не адмаўляла сваёй рэвалюцыйнай дзейнасці, заявіўшы, што была

галоўным і адзіным арганізатарам руху... Праца наша была чыстая, ідэйная, ніякага шпіёнства на карысць Літвы арганізацыя не вяла, ніякіх складаў аружжа не было... Не адмаўляюся, што ў далейшым зброя магла быць патрэбнай, але мы верылі, што Польшча нас зразумее, што не стане нішчыць нашу нацыянальнасць, што не трэба будзе брацца за зброю.

Вера Матэйтчук была прысуджана да шасці гадоў пазбаўлення волі, разам з ёй былі асуджаныя яе брат і сястра — Канстанцін і Яўгенія Матэйтчукі. Пакаранне адбывала ў Беластоку і Варшаве. Падчас знаходжання ў турме актыўна супрацоўнічала з беларускім друкам — перасылала вершы ў газеты «Вольны сцяг» (Вільня), газету «Рассвет», што выдавалася ў ЗША.

У зняволенні Матэйтчук пазнаёмілася з настаўнікам Уладзімірам Карчэўскім, з якім пабралася шлюбам па вызва-

ленні з турмы ў 1927 г. Як былым палітычным вязням Карчэўскім было забаронена займацца настаўніцтвам, да гэтай працы яны вярнуліся толькі з прыходам савецкай улады ў 1939 г., настаўнічалі напачатку ў Ваўкавыскім павеце (сёння Гродзенская вобласць, Беларусь), затым — у Агароднічках, дзе арганізавалі беларускую няпоўную сярэднюю школу. У снежні 1941 г. школу зачынілі нямецкія ўлады, аднак сям’я Карчэўскіх працягвала вучыць дзяцей падпольна. Праца працягвалася і ў першыя паваяенныя гады.

У 1946 г. Вера Карчэўская вымушана была пакінуць Беласточчыну, апасаючыся рэпрэсій з боку польскага патрыятычнага падполля, якое распраўлялася з колішнімі дзеячамі беларускага руху, і пераехала ў Сілезію (Польшча). Вярнулася на Беласточчыну ў 1951 г., працавала ў Супраслі, загадвала гарадской бібліятэкай, брала ўдзел у Лізе жанчын, была раднай у Беластоцкай павятовай радзе.

Удзельнічала таксама ў працы Беларускага грамадска-культурнага таварыства ў Польшчы, друкавала вершы ў газеце «Ніва», што выдавалася ў Беластоку.

Олег Гордиенко — историк, редактор и веб-редактор сайта «Наша Ніва» (www.nn.by). Исследует вопросы белорусской эмиграции, историю белорусов в США, автор книги «Белорусский конгрессовый комитет в США» (2009).

Галина Константиновна Горелова — женщина-композитор, профессор, преподает композицию и музыкально-теоретические дисциплины в Белорусской государственной академии музыки. Окончила в 1977 г. Белорусскую государственную консерваторию по классу Дмитрия Смольского, продолжила учебу в ассистентуре у Анатолия Богатырева, мастер-классах Юрия Фортунатова. В 1992 г. за кантату «Anno mundi ardentis» на стихи поэтов XX в. получила Государственную премию Республики Беларусь. С 2013 г. заведует кафедрой композиции Белорусской государственной академии музыки.

Елена Гутина — женщина-композитор, выпускница Белорусской государственной академии музыки по классу специального фортепиано и композиции. Лауреат международных конкурсов (фортепиано, композиция). Член Белорусского союза композиторов. Работает в различных жанрах вокальной и инструментальной музыки. Автор музыки для театра и немого кино.

Алина Крушинская — магистр социологии по специальности гендерные исследования. Журналистка, фотограф, координаторка культурных и социальных проектов в LitPro (Европейский гуманитарный университет). С 2005 по 2014 гг. — авторка мультимедиа проекта 34mag.net. Авторка фотопроекта «Как мальчик», опубликованного в сборнике «Квир-сексуальность: политики и практики» (2014).

Алексей Наумчик — белорусский фотограф и преподаватель фотографии, работает в области репортажа и документальной фотографии. Его работы выставлялись в Беларуси, Германии, Канаде, Польше и России, а также включены в сборник работ

нового поколения белорусских фотографов «BY NOW: Contemporary photography from Belarus», вышедший в Германии (2013). Веб-страница: www.alekseynaumchik.com

Елена Низеенко — магистр в области гендерных исследований и магистр психологии. Независимая исследовательница, авторка, консультантка телефона доверия. Сфера исследовательских интересов: ЛГБТК, трансгендер, квир-исследования, сексуальность, язык и власть.

Вилана Пилинкайте-Сотирович — доктор философии (Ph.D.), сотрудница Института этнических исследований при Литовском центре социальных исследований. Вилана Пилинкайте-Сотирович обладает десятилетним стажем работы в области прав женщин и гендерного равенства, а также обширным опытом проведения исследований и экспертного анализа. В сферу ее интересов входит изучение взаимосвязей между гендерными отношениями и политиками равенства. Особое внимание в своих исследованиях уделяет насилию по признаку пола и сексуальности, гендерным аспектам миграционных процессов, а также публичному дискурсу в области семьи, пола и равенства.

88

Андрей Тихомиров (Andrzej Tichomirow) — историк и культуролог, магистр культурологии (M. A. in East-Central European and Post-Soviet Studies), докторант в Институте истории науки Польской Академии наук. Научные интересы: история идей в XIX в., историография, этнические меньшинства в Беларуси и Центрально-Восточной Европе. Его работы опубликованы в журналах «Беларускі гістарычны агляд», «ARCHE», «Przegląd Wschodni», «Obóz», «Україна модерна», «Неприкосновенный запас» и «Belarusian Review».

Вероника Черкасова (1959 – 2004) — независимая белорусская журналистка, освещала острые социальные проблемы Беларуси, ее историю и повседневность, публиковалась в независимых изданиях («Белгазета» (ранее «Белорусская газета»), «Белорусская деловая газета», «Наша свобода», «Салідарнасць» и др.). Вероника Черкасова была зверски убита в своей

квартире 20 октября 2004 г. при невыясненных обстоятельствах. Ее работы посмертно изданы в сборнике «Красным по белому: статьи, очерки, эссе» (2005). Подробнее о В. Черкасовой, ее наследии и судьбе см.: www.veronikacherkasova.org; www.groups.google.com/group/veronika-cherkasova

Маргарита Янкаускайте — доктор философии (Ph.D.), эксперт по гендерным проблемам и женскому движению в Литве, преподаватель гендерных курсов в различных литовских ВУЗах. Янкаускайте выступала в роли международного гендерного эксперта в Кыргызстане, Таджикистане, Грузии и Турции. В 2009–2011 гг. она работала гендерным экспертом и тренером в ПРООН Украины. В 2004–2006 гг. Янкаускайте была избрана Послом доброй воли против гендерной дискриминации в Литве, а в 2011 г. Американское посольство присвоило ей награду «Women of Courage» («Бесстрашные женщины»). В 2012 г. Янкаускайте была номинирована и отобрана Европейским Институтом гендерного равенства в качестве одной из двенадцати женщин для календаря «Женщины, вдохновляющие Европу».

Евгения Иванова — правовед, магистр культурологии по гендерным исследованиям, магистр социологии права. В настоящее время докторантка Оксфордского университета (факультет политики и международных отношений), преподавательница Европейского гуманитарного университета (ЕГУ), координатор Центра гендерных исследований ЕГУ, сопредседатель Международного центра гендерных инициатив «Адліга: женщины за полное гражданство». Главный редактор образовательного феминистского альманаха «Женщины в политике: новые подходы к политическому». Научные интересы: феминистские политические теории, права человека, пол и гражданство, тело и политика, биополитика, Чернобыль. Соавтор и составитель учебников «Пол/Гендер: Пособие для юристов» (2004) и «Пол. Гендер: Справочное пособие для государственных служащих» (2005). Веб-страница: www.oxford.academia.edu/EvgeniaIvanova

90

Анна Жинь — беларусская дизайнер и художница. Анна работает в области фотографии, живописи, малой скульптуры и инсталляции. Выставки ее работ проходили в «Галерее Ё», «Лондон» и дворце искусств г. Минска, а также в галерее Федерации Учителей Средних Школ Онтарио в Торонто. Сфера ее интересов затрагивает культурную и гендерную проблематику, а также различные аспекты социальной дискриминации. Веб-страница: www.annazhyn.com

Александр (Юрьевич) Першай — доктор философии (Ph.D.), кандидат филологических наук, международный эксперт по гендерным вопросам, директор по развитию и коммуникации электронного журнала Международной ассоциации гуманитариев «The Bridge-МОСТ» (www.thebridge-moct.org); преподаватель Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. Главный редактор образовательного феминистского альманаха «Женщины в политике: новые подходы к политическому». Исследовательские интересы: национализм в Беларуси и Восточной Европе,

теория национализма, языковая политика, белорусский интеллектуальный дискурс, словари, архивы и организация культурного знания, гендерная лингвистика, отношения гендера, языка и власти, трансгендер. Автор монографии «Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии» (2014), а также ряда публикаций в журналах «Nationalities Papers», «East European Politics and Societies», «Europe-Asia Studies», «Slavia Orientalis», «Гендерные исследования», «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры», «Неприкосновенный запас», «Ab Imperio» и др. Редактор сборника «Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications» (2005). Веб-страница: www.ehu-lt.academia.edu/AlexanderPershai

Ольга Петрукович — активистка и независимая исследовательница, магистр социологии в области гендерных исследований. Со-основательница публичной феминисткой библиотеки «Gender Library» (www.genderlibrary.wordpress.com). Исследовательские интересы: гендерная политика, социальные аспекты репродукция, гендер и медиа, гражданское общество.

91

Мэтт Тэгелберг — доктор философии (Ph.D.), доцент Департамента социальных наук Университета Йорк (Канада), ассоциированный исследователь в «MediaClimate» — международной исследовательской сети Университетов Бергена и Тампере. Занимается исследованиями репрезентации коренных народов в СМИ, а также журналистского дискурса о глобальном потеплении. Его работы опубликованы в научных журналах «Tourist Studies», «Canadian Journal of Communication», «International Communication Gazette» и «International Journal of Cultural Studies». Он был приглашенным peer-review рецензентом для журналов «Tourist Studies» и «Tourism Management». Тэгелберг также занимается академическим редактированием и специализируется на стилистической обработке текста авторов, для которых английский не является родным языком. Веб-страница: www.yorku.academia.edu/MatthewTegelberg

Кори Хэйден — канадский художник, активист и специалист по менеджменту, принимает участие в предвыборных кампаниях кандидатов, продвигающих демократические принципы. Его арт-проекты связаны с проблемами гендерного равенства и толерантного отношения к представителям маргинализированных групп.

Екатерина Чикалова — кандидат психологических наук, младший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института Российской академии наук, автор и редактор публикаций, освещающих различные аспекты гендерной проблематики. Основные исследовательские интересы: гендерная проблематика СМИ и рекламы, современные медиа-репрезентации отцовства и маскулинности, тенденции трансформации родительства, материнства и отцовства.

Veronika Cherkasova (1959-2004) was an independent Belarusian journalist. In her writings, Cherkasova problematized the past and present state of Belarus and called attention to burning issues in Belarusian society. She published widely in independent Belarusian media, including “Belgazeta”, “Belarusskaya Delovaya Gazeta”, “Golas Radzimy”, “Nasha Svaboda” and “Salidarnaść”. Cherkasova was brutally murdered in her apartment in Minsk on October 20, 2004; the circumstances that led to her death remain unclear. Cherkasova’s writings are published in a posthumous collection entitled “Krasnym Pobelomu: Stat’i, Ocherki, Esse” (“Red on White: Articles and Essays”, 2005). More information about Cherkasova’s life and works is available at: www.veronikacherkasova.org, www.groups.google.com/group/veronika-cherkasova

Oleg Gordienko is a Belarusian historian and an editor of the Nasha Niva web-site (www.nn.by). His research interests include Belarusian migration and history of Belarusians in the United States of America. Gordienko authored a book “Belarusian Congress Committee in the United States of America” (2009).

93

Galina Gorelova is a woman composer, professor, chair of the Composition Department at the Belarusian State Academy of Music. Born and raised in Minsk, Gorelova graduated from the Belarusian State Conservatory in Dmitry Smolsky’s class of 1977. She continued her postgraduate studies in Anatoly Bogatyrev’s assistantship and Yury Fortunatov’s master classes at the Moscow Conservatory. Gorelova teaches composition and theoretical music subjects. She won the Belarusian State Music Award for a cantata “Anno mundi ardentis” in 1992. Gorelova’s works are performed in Belarus, Czech Republic, Germany, Italy, Poland, Russia, Slovenia, Ukraine, and USA.

Elena Gutina is a Belarusian woman composer and member of the Belarusian Union of Composers. She graduated from the Belarusian State Academy of Music with degrees in piano and composition. Gutina won several international music awards in piano and composition. She writes music for theatre and silent movies.

Margarita Jankauskaite, PhD, is an art historian, social activist, and university instructor. She started to work in women's NGOs in 2003 and demonstrated her expertise in gender equality policies, gender representation in mass culture, and gender biased violence. Jankauskaite led several projects on gender mainstreaming in local and central governance, men in gender equality, and gender equality in education. She served as an expert in gender issues in Lithuania, Kyrgyzstan, Tajikistan, Georgia, and Turkey. In 2009-2011 she worked as UNDP expert and a trainer in Ukraine. In 2004-2006 she was elected as Ambassador for Diversity against Discrimination in Lithuania. The US embassy awarded Margarita the award of Women of Courage in 2011. Jankauskaite was nominated and selected by European Institute for Gender Equality as one of twelve women figures in the "Women Inspiring Europe" calendar in 2012.

Alina Kroushinskaya, M.A. in gender studies, is a Belarusian journalist, photographer, and project coordinator for LitPro (European Humanities university). Between 2005 and 2014 Krushinskaya contributed to a multimedia project "Mag34" (Belarus). She authored a photo-project entitled "Like a Boy" published in "Kvir Seksualnost: politiki i praktiki" collection of essays (2014).

Aleksey Naumchik is a Belarusian photographer and lecturer in photography. He specializes in documentary photography and reportage. Naumchik's works were exhibited in Belarus, Canada, Germany, Poland, and Russia. He is featured in the photography book entitled "BY NOW: Contemporary photography from Belarus" (published in Germany in 2013). Website: alekseynaumchik.com

Elena Nizeenko, M.A. in gender studies and M.A. in psychology, is a Russian independent researcher and journalist. She also consults for a telephone helpline. Nizeenko's research interests are GLBTQ, transgender studies, queer studies, sexuality, gender and power.

Vilana Pilinkaite Sotirovic, Ph.D., works at the Institute of Ethnic Research, Lithuanian Social Research Centre. Pilinkaite Sotirovic has over ten years of experience in women's rights issues and gender equality, as well as in research and expert analysis. She studies the complexities of gender and equality policies in Lithuania.

In particular, she focuses on the policies of gender biased violence, gendered aspects of migration, and public discourses on family, gender and equality. She is a mother of two children; she works and lives in Budapest.

Andrzej Tichomirow, M.A. in East-Central European and Post-Soviet Studies, is a Belarusian historian and cultural studies scholar. Currently he is a doctoral candidate in history at Polish Academy of Sciences. Tichomirow's research interests include history of ideas in the 19th century, national minorities in Belarus and Central-Eastern Europe. His articles are published in "Belaruski historyczny zbiór", "ARCHE", "Przegląd Wschodni", "Obóz", "Ukraina Moderna", "Neprikosnovenniy zapas", "Belarusian Review" and other journals.

Ekaterina Chikalova is an expert in the sociology of communication, writer and copy-editor. Chikalova received the *Kandidat Nauk* Degree in psychology; currently she is a junior researcher at the Department of Sociology of Family, Gender and Sexual Relations at the Sociology Institute of the Russian Academy of Sciences. Her research interests include gender, media and advertisement, contemporary media-representations of fatherhood and masculinity, transformations of parenthood, as well as the issues of motherhood and fatherhood.

Cory Hayden is an artist, activist, and management specialist. He is politically involved with elections of progressive and diverse candidates. His art work reflects the issues of diversity, equality and acceptance in Canada.

96

Evgenia Ivanova, LL.B, has an M.A. in Gender Studies and an M.A. in Sociology of Law. She is currently a doctoral candidate in Politics and International Relations at the University of Oxford. She is a lecturer, coordinator, and research associate at the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. She is a Co-Chair of “ADLIGA”—the International Centre for Gender Initiatives: Women for Full Citizenship. She is also the head editor of a Belarusian- and Russian-speaking educational feminist almanac “Women in Politics”—“Zhenschiny v politike: novye podkhody k politicheskomu”. Her research interests include feminist political theories, human rights, gender and citizenship, body and politics, biopolitics, and Chernobyl. She co-authored several textbooks in gender studies, including “Sex/Gender: A Handbook for Lawyers (Pol/Gender: Posobie dlia yuristov)” (2004) and “Sex. Gender: A Handbook for Social Service Officers (Pol. Gender: Spravochnoye posobie dlia gosudarstvennykh sluzhaschikh)” (2005). Website: www.oxford.academia.edu/EvgeniaIvanova

Alexander Pershái, Ph.D., is the Managing Editor and Communications and Development Executive for the newsletter of the International Association for the Humanities “The Bridge-MOCT”

(www.thebridge-moct.org). He is a Lecturer in the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. He is the Head Editor of a Belarusian- and Russian-speaking educational feminist almanac “Women in Politics”—“Zhenschiny v politike: novye podkhody k politicheskomu”. He studies nationalism in Belarus and Eastern Europe with emphasis on issues of identity, language and nation-building. His research interests include nationalism theory, Belarus, Eastern European nationalism, transformations of academia, technologies of archiving and organizing knowledge, interrelations of gender, language and power, and transgender. Pershái authored a monograph entitled “Semantika genera: Rerezentatsiya gendernykh otnosheniy vo frazeologii [Semantics of Gender: On Gender Stratification in Idiomatic Expressions]” (2014); and an edited collection entitled “Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications” (2005). His works are published in “Nationalities Papers”, “East European Politics and Societies”, “Europe-Asia Studies”, “Slavia Orientalis”, “Neprikosnovennyi Zapas”, “Forum Noveishey vostochnoevropeskoy istorii i kultury”, “Gendernyie Issledovania”, “Ab Imperio” and other peer-reviewed journals. Website: www.ehu-lt.academia.edu/AlexanderPershai

97

Volha Piatrukovich is an independent researcher and social activist. She holds an M.A. in Sociology and Gender Studies. Co-founder of the public feminist library “Gender Library” (www.genderlibrary.wordpress.com). Her research interests include gender-related politics, social regulations of reproduction, gender and media, and civic society.

Matthew Tegelberg, Ph.D., is an Assistant Professor in the Department of Social Science at York University (Canada). He is a Research Associate with “MediaClimate”, a international network of media scholars based at the University of Bergen, Norway, and Tampere University, Finland. His research examines media representations of indigenous peoples and global journalistic coverage of climate change. His writing has appeared in “Tourist Studies”, “Canadian Journal of Communication”, “International Communication Gazette,” and “International Journal of Cultural Studies”. Tegelberg is an experienced academic editor. He has worked on scholarly manuscripts, journal articles, book chapters and served as an editorial re-

viewer for “Journal of Professional Communication,” “Tourist Studies” and “Tourism Management”. He specializes in language and style editing and has worked with authors from around the globe to help communicate their ideas and research in English more effectively. Website: www.mcmaster.academia.edu/MatthewTegelberg

Anna Zhyn is a Belarusian designer and artist. She works with different media, including photography, painting, soft sculpture and installation. She has had personal exhibitions in “The Ÿ Gallery”, “London”-Gallery, The Art Palace (Dvoretz iskusstv) in Minsk, Belarus, and in the Gallery of the Ontario Secondary School Teachers’ Federation in Toronto. Her art projects investigate gender discrimination and harassment, as well as other types of social and cultural oppression. Website: www.annazhyn.com

Образовательно-аналитический альманах «ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ» принимает к публикации статьи, комментарии, а также социально и политически ориентированные литературные и художественные проекты.

Присланные тексты рецензируются анонимными экспертами. Стандартный размер статьи от 15 000 до 20 000 знаков (от 1 500 до 3 000 слов), величина шрифта 12, Times New Roman, стандартные поля. Сноски внизу страницы. Допускается использование иллюстраций, однако авторы должны позаботиться о соблюдении авторских прав на используемые изображения.

Для арт-проектов: кроме непосредственно самих изображений, фотографий, коллажей и пр. необходимо предоставить описание авторской позиции (project statement). Это может быть небольшой текст до 3-х страниц, который будет опубликован перед проектом и представляет собой его развернутое резюме. Допускаются сноски внизу страницы. Технические требования: размер изображения не менее А5; расположение вертикальное (portrait); цветовая схема CMYK; разрешение 300dpi; тип файла jpeg, tiff или psd. Если проект включает текст, то у дизайнера и редакторов должна быть возможность редактирования. Для публикации в сети возможен полноцветный вариант; для печати — черно-белый.

Авторы должны предоставить краткие данные о себе: место/сфера занятости, должность, научные и/или активистские интересы, адрес вебстраницы и т.п.

Авторы несут ответственность за достоверность информации и цитирование в своих публикациях.

Ждем Ваших рукописей по электронному адресу: political.new.approaches@gmail.com

The educational feminist almanac “WOMEN IN POLITICS: NEW APPROACHES TO THE POLITICAL” is a self-funded initiative. It is distributed free of charge and targets social and political activists in Belarus and in a broader Russian-speaking post-Soviet space. The issues appear in print and digital formats. The digital copies are available for free download at the journal’s website www.fempol.com

The almanac is seeking your donations and support. It is necessary to ensure that the almanac comes out in digital and printed forms. Printed materials and books especially retain great symbolic and cultural values in Eastern Europe. Despite the global “digitalization” many people in the former Soviet countries prefer to read “paper-based” books and journals. Many even print out digital texts and work with the hard copies. At the same time, many activist websites are banned on the Belarusian internet; printed copies are necessary to guarantee the availability of the journal to the Belarusian general public. Therefore we kindly ask for your donations.

**Секс-символ
становится вещью.
Я просто ненавижу
быть вещью.**

Мэрилин Монро

ISSN 1805-4943 (2014) 4